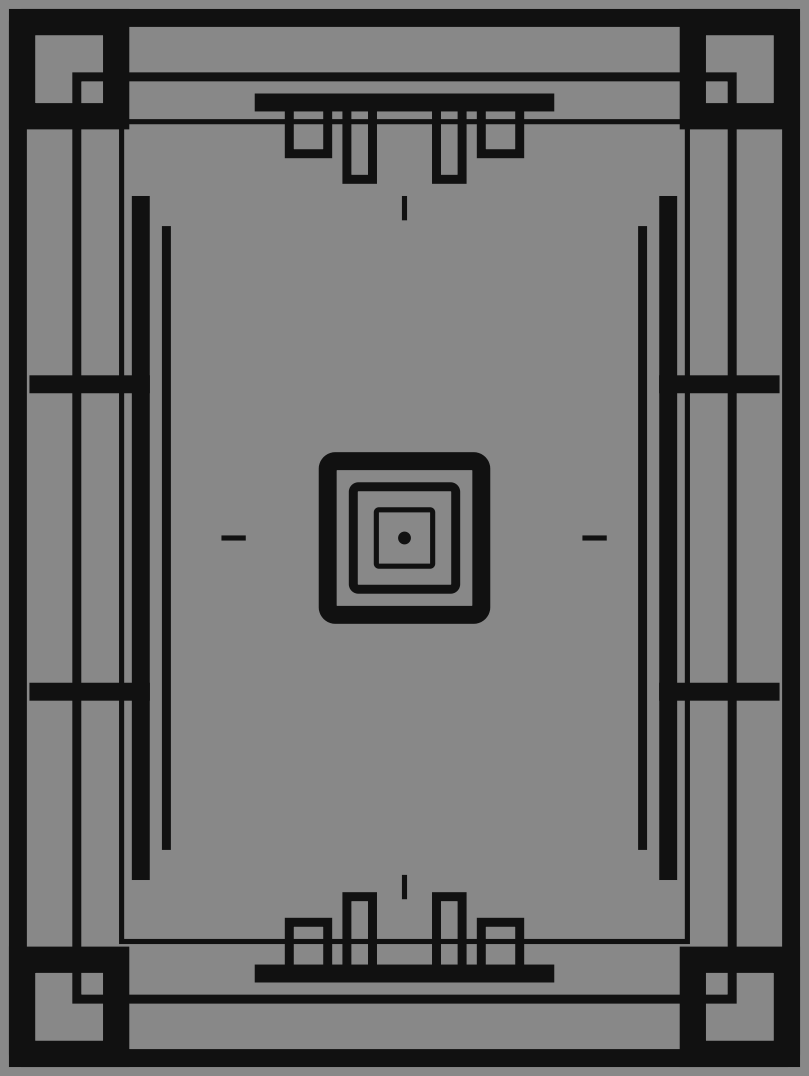

Ад — это вечность

Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. Ад — это вечность
1
2
3
4
5
6

Аннотация

Их было шестеро, и они испробовали все. Они искали острых ощущений и бесились из-за того, что их собственные чувства притуплены. Ради развлечения одна из них была убита, а оставшиеся пятеро получили возможность создать каждый для себя реальность своей заветной мечты. Но создали для они свой собственный вечный ад...

fantlab.ru © Lucy

Альфред Бестер
Ад — это вечность

1

Их было шестеро и они испробовали все. Начали они с напитков и пили, пока не притупили вкусовые сосочки. Вина — амонтильядо, беуне, киршвассер, бордо, хок, бургундское, медок и шамбертен. Ирландское виски, скотч, усквебад и шнапс, бренди, джин и ром. Они пили их по отдельности и вместе, смешивали терпкие напитки в изумительные пунши, в тысячи вкусовых симфоний. Они экспериментировали, творили, исследовали и разрушали и, наконец, им это наскучило.

Последовали наркотики. Сначала слабые, потом все более сильные. Щепотка коричневого лакрицеподобного опиума, поджаренного и скатанного в шарики для курения из длинных костяных трубок. Густой зеленый абсент, который потягивают маленькими глоточками, не разбавленный и без сахара. Героин и кокаин в шуршащих белых кристаллах. Марихуана в сигаретах из коричневой бумаги. Гашиш в молочно-белом твороге для еды. Бетель для жевания, красящий губы кроваво-коричневым соком… И

снова им это наскучило.

Они искали острых ощущений и бесились из-за того, что их собственные чувства притуплены. Они расширяли свои вечеринки и превращали их чуть ли не в фестивали. Экзотические танцоры и экзотические получеловеческие существа томились в низком просторном помещении и наполняли его своими неописуемыми представлениями. Боль, страх, отчаяние, любовь и ненависть были разъяты на части и существовали в трансцендентных деталях, как лабораторные образчики.

Насыщенные запахи парфюмерии смешивались с запахом пота возбужденных тел, и только отчаянные крики мучившихся существ иногда прерывали их неторопливую беседу… И это им тоже надоело. Они сократили количество посещающих вечеринки до первоначальных шести членов и стали собираться раз в неделю, сидеть и жаждать новых ощущений. Вяло, без энтузиазма они увлеклись оккультными науками и превратили помещение в палату некромантов.

Невозможно представить, на что это походило. Помещение было большим и квадратным, со стенами, обитыми звуконепроницаемыми панелями под дерево, и низким потолком. Справа

была дверь, тяжелая и запертая на огромный, грубо выкованный замок. Окон не было, зато кондиционеры были выполнены в виде узких, вытянутых окошек готического монастыря. Леди Саттон закрыла их окрашенными стеклами и поместила внутрь электрические лампочки. Они бросали по комнате отблески утренних красок.

Пол был из древнего орехового дерева, полированного и мерцающего, как металл. По нему были разбросаны восточные ковры. У стены стоял огромный диван, над ним шел ряд книжных полок, а перед ним стоял длинный стол на козлах, заваленный остатками очередного банкета. Остальное помещение было уставлено глубокими соблазнительными креслами, покрытыми пледами, уютными и манящими.

Столетия назад здесь была самая глубокая темница замка Саттонов, находящаяся в сотнях футов под землей. Ныне — уютное, теплое, меблированное, с воздушным кондиционированием — это было убежище для особых вечеринок леди Саттон. И еще это было официальное место встречи Общества Шести. Шести Декадентов, как они называли себя.

— Мы последние духовные потомки Неро — последнего из славных несчастных аристокра-

тов, — говорила леди Саттон. — Мы родились на несколько столетий позже, друзья мои. В мире, где не осталось ничего забавного, нам приходится жить только для себя. Мы, шестеро, представляем собой отдельную расу.

И когда беспрецедентные бомбардировки потрясли Англию столь катастрофически, что проникли даже в убежище Саттон, она подняла глаза и засмеялась.

— Пускай эти свиньи перебьют друг друга. Это не наша война. Мы всегда идем своим путем, верно? Подумайте, друзья мои, какое будет наслаждение выйти одним прекрасным утром из убежища и найти Лондон мертвым… весь мир мертвым. — Она снова рассмеялась своим глубоким, хрипловатым мычанием.

Сейчас она молчала, распростерши громадное пухлое тело по дивану, как декоративная жаба, и разглядывала программку, которую только что вручил ей Дигби Финчли. Программка была оформлена самим Финчли — прелестный рисунок чертей и ангелов в гротескной любовной схватке, окружающих написанный каббалистическим шрифтом текст:

ШЕСТЬ ДЕКАДЕНТОВ ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

АСТАРОТ БЫЛ ЛЕДИ

(По Кристиану Браффу)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (в порядке их появления):

НЕКРОМАНТ Кристиан Брафф

ЧЕРНЫЙ КОТ Мерлин (благодаря любезности леди Саттон)

АСТАРОТ Феона Дубидат

НЕБИРОС, демон ассистент Дигби Финчли

Костюмы Дигби Финчли

Специальные эффекты Роберт Пил

Музыка Сидра Пил

— Маленькая комедия — все-таки развлечение, не так ли? — сказал Финчли.

Леди Саттон содрогнулась с невольным смешком.

— Астарот был леди! Вы уверены, что сами написали это, Крис?

Ответа от Браффа не последовало, только возня подготовки в дальнем конце убежища, где была сооружена и занавешена маленькая сцена.

— Крис! Эй, там… — промычала надтреснутым басом Леди Саттон.

Занавес приоткрылся, Кристиан Брафф высу-

нул голову.

Лицо его было частично загримировано густыми бровями, бородой и темно-синими тенями вокруг глаз.

— Прошу прощения, леди Саттон? — спросил он.

При виде его лица она перекатилась по дивану, как гора студня. Позади ее беспомощного тела Финчли улыбнулся Браффу, губы его расплылись в усмешке довольного кота. Брафф украдкой кивнул.

— Я спросила, это действительно написали вы, Крис — или опять у кого-то слизали?

Брафф бросил на нее сердитый взгляд и исчез за занавесом.

— О, мои милые, — забулькала леди Саттон, — это будет лучше, чем галлон шампанского. А кстати… Кто там рядом с шампанским? Боб? Налей мне немного. Боб! Боб Пил!

Человек, лежащий в кресле возле ведерка со льдом, не шевельнулся. Он лежал на спине, раскинув ноги, с расстегнутым воротником рубашки под бородатым подбородком. Финчли подошел и поглядел на него.

— Напился, — кратко сказал он.

— Так рано? Ну, неважно. Принеси мне бокал,

Диг, хороший мой мальчик.

Финчли наполнил бокал шампанским и принес леди Саттон. Из маленького резного флакончика она добавила туда три капли настойки опиума, покрутила бокал, чтобы перемешать, и стала потягивать напиток, читая программку.

— Некромант… Это ты, Диг, а?

Финчли кивнул.

— А что такое некромант?

— Нечто вроде мага, леди Саттон.

— Маг? О, это хорошо… Это очень хорошо! — Она пролила шампанское на обширную прыщавую грудь и безуспешно попыталась промокнуть ее программкой.

Финчли поднял руку, чтобы удержать ее.

— Будьте осторожны с программой, леди Саттон. Я отпечатал всего один экземпляр и уничтожил матрицу. Это уникальная ценность.

— Коллекционная штучка? Конечно, твоей работы, Диг?

— Да.

— Она чем-нибудь отличается от обычной порнографии? — Леди Саттон разразилась очередными раскатами смеха, выродившегося в приступ кашля. Одновременно она уронила бокал. Финчли покраснел, поднял бокал и вернулся

к бару, осторожно переступив через вытянутые ноги Пила.

— А что такой Астарот? — продолжала леди Саттон.

— Это я! — крикнула из-за занавеса Феона Дубидат. Голос ее звучал хрипло, в нем было что-то от сырого дыма.

— Дорогая, я понимаю, что ты, но *что* ты такое?

— Я думаю, дьявол.

— Астарот — легендарный архидемон, — сказал Финчли, — дьявол высшего ранга, так сказать…

— Феона — дьявол? Не сомневаюсь в этом… — Истощив запасы своего восторга, леди Саттон неподвижно лежала на диване, погрузившись в размышления. Наконец, она подняла толстенную руку и посмотрела на часы. Жир, свисавший с ее локтей слоновьими складками, при этом шевельнулся и с рукава пролился маленький ливень блесток.

— Пора начинать, Диг. К полуночи я должна уйти.

— Уйти?

— Вы же слышали меня.

Лицо Финчли исказилось. Он навис над ней, переполненный эмоциями, вперившись в нее

черными глазами.

— В чем дело? Что вам не нравится?

— Ничего.

— Тогда…

— Кое-какие дела, только и всего.

— Какие дела?

Лицо ее стало грубым, когда она взглянула на него в ответ.

— Я потом скажу тебе… скоро узнаешь и сам. А сейчас я больше не хочу докучать тебе, Диг, радость моя!

Лицо Финчли, напоминающее пугало, успокоилось. Он хотел что-то сказать, но не успел произнести ни слова, как из алькова рядом со сценой высунулась Сидра Пил.

— Роберт! — позвала она.

— Боб опять отрубился, Сидра, — натянутым голосом ответил Финчли.

Она вышла из алькова, где стоял орган, пересекла комнату и остановилась, глядя сверху вниз на мужа. Сидра была маленькой стройной брюнеткой. Тело ее напоминало провод под высоким напряжением. Жизнь била в ней слишком сильным ключом, переливаясь всеми оттенками сладострастия. Черные, глубоко посаженные глаза казались холодными щелками с раска-

ленными добела угольками. Пока она смотрела на мужа, пальцы ее задрожали. Внезапно она размахнулась и дала звонкую пощечину по его неподвижному лицу.

— Свинья! — прошипела она.

Леди Саттон засмеялась и закашляла одновременно. Сидра Пил выстрелила в нее яростным взглядом и шагнула к дивану. Резкий щелчок каблучков по ореховому дереву пола прозвучал пистолетным выстрелом. Финчли быстрым предупреждающим жестом остановил ее. Она поколебалась, затем повернулась к алькову и сказала:

— Музыка готова.

— И я тоже, — добавила леди Саттон. — К спектаклю и ко всему прочему, а? — Она расплылась по дивану, подобно опухоли, пока Финчли подсовывал ей под голову подушки. — Тебе действительно приятно сыграть для меня эту маленькую комедию, Диг? Как жаль, что нынче ночью нас только шестеро. Нужны ведь зрители.

— Вы единственный зритель, который нам нужен, леди Саттон.

— О! В своем узком кругу?

— Так сказать…

— Шестеро — Счастливая Семья Ненависти.

— Это вовсе не так, леди Саттон.

— Не будь ослом, Диг. Все мы полны ненавистью. Мы счастливы ею. Я Счетовод Отвращения. В один прекрасный день я дам вам прочитать мои записки. Скоро…

— Что за записки?

— Уже любопытно, а? О, ничего особенного. О способе, которым Сидра хотела бы убить своего мужа… и об упрямстве Боба, которое мучает ее. А ты сделаешь себе имя на мерзких картинах и будешь разрывать свое гнилое сердце из-за фригидного дьявола Феоны…

— Пожалуйста, леди Саттон!..

— А Феона, — с удовольствием продолжала она, — использует свое ледяное тело, как инструмент палача для пыток… А Крис… Как ты думаешь, сколько своих книг он продал этим дьяволам-издателям с Грабь-стрит?

— Понятия не имею…

— А я имею. Все. И все написаны не им. Богатство на чужих талантах… О, у нас великолепно отвратительная судьба, Диг. Единственное, чем мы можем гордиться, единственное, чем отличаемся от миллионов алчных морализаторствующих идиотов, так это тем, что именно мы унаследуем Землю. Поэтому мы остаемся счаст-

ливым семейством обоюдной ненависти.

— Я бы назвал это обоюдным восхищением, — пробормотал Финчли, вежливо поклонился и прошел к занавесу, еще больше похожий на пугало, несмотря на черный вечерний костюм. Он был очень высокий — шесть футов три дюйма — и тощий. Тонкие руки и ноги выглядели, как кривые, скрепленным болтами прутья, а грубое плоское лицо казалось нарисованным на одутловатой подушке.

Финчли задернул за собой занавес. Через секунду после его исчезновения послышался шепот и свет потускнел. В просторном, низком помещении не было больше ни звука, кроме шумного дыхания леди Саттон. Валявшийся в глубоком кресле Пил был неподвижен и невидим, кроме безвольно разбросанных ног.

Откуда-то из бесконечного далека пришла легкая, почти неощутимая вибрация. Она казалась зловещим напоминанием об Аде, заполонившем Англию и царившем в сотнях футов над их головами. Затем вибрация стала нарастать и постепенно разбухла в глубочайшие тона органа, пробежавшие по спине холодком.

Леди Саттон тихонько хихикнула.

— Не ожидала, — сказала она. — Это действи-

тельно жутко, Сидра.

Мрачная музыка потрясла ее, наполнила убежище холодными раскатами. Занавес медленно раздвинулся, открыв Кристиана Браффа, одетого в черное. Лицо его было отвратительной, искаженной маской, красной и пурпурно-голубой, резко контрастирующей с белыми, как у альбиноса, волосами. Брафф стоял посреди сцены, окруженный столиками на паучьих ножках, заваленных причиндалами Некроманта. Видное положение занимал Мерлин, черный кот леди Саттон, величественно усаженный на толстую инкунабулу в железном переплете.

Брафф взял со столика кусочек черного мела и начертил на полу вокруг себя круг двенадцати футов в диаметре. Эту окружность он исписал каббалистическими знаками и пятиугольниками, затем взял прозрачную воду.

— Это, — замогильным голосом прогудел он, — священная вода, украденная в полночь из церкви.

Леди Саттон насмешливо зааплодировала, но почти сразу же прекратила. Музыка тревожила ее. Она беспокойно заворочалась на диване и неуверенно огляделась.

Бормоча богохульные проклятия, Брафф взял

железный кинжал и окунул его в воду. Затем установил медный поднос над голубыми пламенем спиртовки, налил на него воду и стал размешивать в ней кораллы и цветные кристаллы. Потом взял пузырек с пурпурной жидкостью и влил его содержимое в фарфоровую чашу. Раздался слабый хлопок, к потолку поднялось густое облако пара.

Органная музыка нарастала. Брафф пробормотал под нос заклинания и сделал странные пассы. По убежищу поплыли запахи и дымки, фиолетовые облака и густой туман. Леди Саттон бросила взгляд на кресло напротив дивана.

— Великолепно, Боб, — сказала она. — Чудесные эффекты. — Она попыталась придать голосу восхищение, но вышло лишь болезненное карканье. Пил не пошевелился.

Резким движением Брафф вырвал три черных волоска из хвоста кота. Мерлин яростно взвыл и прыгнул с книги на мозаичный шкафчик. Сквозь дымки и пар зловеще сверкали его гигантские желтые глаза. Волоски полетели на раскаленный поднос и новый аромат наполнил убежище. В быстрой последовательности туда же полетели когти совы, толченая гадюка и формой напоминающий человечка корень мандрагоры.

— Внимание! — крикнул Брафф.

Он плеснул воду, пронзенную кинжалом, в фарфоровую чашу с пурпурной жидкостью и вылил смесь на раскаленный поднос. Раздался взрыв.

Угольно-черное облако заполнило сцену и заклубилось по убежищу. Оно медленно рассеялось, открывая высокую фигуру дьявола — стройное тело, ужасная маска на лице. Брафф исчез.

Стоя в плывущих облаках дыма, дьявол заговорил хрипловатым голосом Феоны Дубидат:

— Приветствую тебя, леди Саттон…

Она шагнула из дыма. В пульсирующем свете, ударившем сверху на сцену, тело ее блестело перламутровым румянцем. Пальцы рук и ног были длинные и грациозные. Свет играл на изгибах тела, однако, несмотря на совершенство, оно казалось холодным и безжизненным — таким же неестественным, как гротескная маска из папье-маше на лице.

— Приветствую тебя… — повторила Феона.

— Ха, старые штучки, — прервала ее леди Саттон. — Как делишки в аду?

Из алькова, где тихонько наигрывала Сидра Пил, раздалось хихиканье. Феона приняла позу статуи и гордо подняла голову.

— Я принесла тебе…

— Дорогая, — закричала леди Саттон, — почему

ты не предупредила меня, как это будет? Я бы продала билет!

Феона властно взмахнула сверкающей рукой и начала снова:

— Я принесла тебе благодарность от тех пятерых, которые… — Она резко замолчала.

На протяжении пяти ударов сердца тянулась задохнувшаяся пауза, пока бормотал орган и цедились остатки черного дыма, собираясь под потолком. В тишине слышалось быстрое, частое дыхание Феоны, затем раздался ее истерический крик.

Все с изумленными восклицаниями выскочили из-за кулис — Брафф с переброшенным через руку костюмом Некроманта и без грима, Финчли, в черном одеянии и капюшоне похожий на ожившие ножницы. Орган запнулся, с треском умолк, из алькова выскочила Сидра Пил.

Феона попыталась снова закричать, но у нее перехватило горло.

— Что?.. Что случилось? — воскликнула в пугающей тишине леди Саттон.

Феона выдавила хрип и указала на середину сцены.

— Смотрите… Там… — голос ее был, как скрип когтей по грифельной доске. Она отшатнулась

к столику, опрокидывая приспособления Некроманта. Столик рухнул со звоном.

— Что это? Ради Иисуса…

— Он подействовал… — простонала Феона. — Р-ритуал… Он сработал!

С дрожью она уставилась на дым. Огромное черное Существо медленно поднималось в середине круга Некроманта — смутный, аморфный силуэт поднимался все выше, испуская шипящий звук, как свист перегретого котла.

— Что это? — снова воскликнула леди Саттон.

Существо подалось вперед, достигло границы круга и остановилось. Шипение зловеще нарастало.

— Это кто-то из наших? — крикнула леди Саттон. — Что за дурацкие шутки? Финчли… Брафф…

Они бросили на нее ошеломленные, затуманенные ужасом взгляды.

— Сидра… Роберт… Феона… Нет, все здесь. Тогда кто это? Как он попал сюда?

— Это невозможно, — прошептал Брафф, отступая. Он споткнулся о диван и неуклюже повалился на леди Саттон.

Леди Саттон отбивалась от него беспомощными руками и кричала:

— Сделайте же что-нибудь! Сделайте что-нибудь…

Финчли попытался овладеть своим голосом.

— М-мы в б-безоп-пасности, — заикаясь, произнес он, — п-пока круг н-не разрушен. Он н-не сможет выйти…

Феона на сцене, всхлипывая от ужаса, делала отталкивающие жесты руками. Внезапно она осела на пол. Ее откинутая рука стерла сегмент черного мелового круга. Существо быстро скользнуло в это отверстие и слилось с помоста, как черная жидкость. Финчли и Сидра Пил отшатнулись с ужасными криками. Атмосфера в убежище сгущалась. Тонкие струйки пара вились вокруг головы Существа, когда оно двинулось к дивану.

— Вы… вы шутите! — завизжала леди Саттон. — Это неправда! Этого не может быть! — Она поднялась с дивана и пошатнулась. Лицо ее побледнело, когда она снова пересчитала своих гостей. Один… два… три… четыре… пять… Вместе с ней шесть… А с Существом будет семь. Но здесь может быть только шесть…

Она развернулась, побежала. Существо последовало за ней. Достигнув двери, леди Саттон рванул ручку, но железный замок был заперт. Быстро, насколько была способна ее огромная

туша, леди Саттон побежала вдоль стены убежища, опрокидывая столики. Когда Существо окатило комнату шипящим свистом, леди Саттон схватила сумочку и, открыв ее, выхватила ключ, трясущимися руками разбрасывая содержимое сумочки по полу.

Глубокий рев разорвал полумрак. Леди Саттон вздрогнула и отчаянно огляделась, издав животный писк. Существо уже почти заключило ее в свои бесконечно черные объятия. Крик вырвался из ее горла, и леди Саттон тяжело осела на пол.

Тишина.

Мрачными облаками клубился дым.

С деликатными интервалами тикали китайские часы.

— Ну, — торопливо сказал Финчли, — вот и все…

Он подошел к распростертому на полу телу, опустился на колени. Лицо его исказилось дикой гримасой. Затем он поднял глаза и усмехнулся.

— Все в порядке, она мертва, как мы и рассчитывали. Сердце не выдержало. Она была слишком толстой.

Он оставался на коленях, упиваясь моментом смерти. Остальные сгрудились вокруг напоминающего жабу тела и, раздувая ноздри, глядели

на него.

Тянулись секунды, затем вялость бесконечной скуки снова упала на их лица.

Черное Существо несколько раз взмахнуло руками. Наконец, оно раскрылось, обнаружив ажурную конструкцию и потное бородатое лицо Роберта Пила. Он вылез из костюма и подошел к фигуре в кресле.

— Идея манекена просто великолепна, — сказал он. Его яркие маленькие глазки на секунду блеснули. В этот момент он походил на садистскую миниатюру Эдварда VII. — Она бы ни за что не поверила, если бы мы не ввели на сцену седьмого неизвестного. — Он взглянул на жену. — Пощечина была гениальной, Сидра. Чудесный реализм…

— Этого я и добивалась.

— Знаю, моя дорогая, и тем не менее, спасибо.

Феона Дубидат встала и натянула белое платье. Она спустилась со сцены и подошла к телу, снимая отвратительную дьявольскую маску. Открылось прекрасное лицо, милое, но холодное. Белокурые волосы светились в полутьме.

— Вы действовали великолепно, Феона… — Брафф с уважением склонил белесую голову альбиноса.

Какое-то время она молчала. Она стояла, глядя

на бесформенную гору плоти, по ее лицу скользнуло выражение беспомощности, но во взгляде не было ничего, кроме безразличного любопытства глядящего из окна зрителя. Даже меньше того.

Наконец, Феона вздохнула.

— Все-таки, это не имеет значения, — сказала она.

— Что? — Брафф достал сигарету.

— Действие… все представление. Мы опять будет болтать и болтать, Крис.

Брафф чиркнул спичкой. Вспыхнул оранжевый огонек, осветив их розовеющие лица. Брафф закурил, затем поднял спичку повыше и поглядел на них. Свет карикатурно искажал лица, подчеркивая их утомленность, их бесконечную скуку.

— Ну-ну… — сказал Брафф.

— Все бесполезно. Затея с убийством провалилась. Оно возбуждает не больше, чем стакан воды.

Финчли сгорбился, прошелся взад-вперед, как узел на ходулях.

— Я почувствовал небольшое недовольство, когда мне показалось, будто она что-то заподозрила. Хотя это длилось недолго.

— Ты должен быть благодарен даже за это.

— Верно.

Пил сердито прищелкнул языком, затем опустился на колени, как бородатый Ванька-встанька, и, блестя лысиной, стал рыться в разбросанном содержимом сумочки леди Саттон. Он собрал деньги и положил в карман. Затем взял руку покойницы и указал ею на Феону.

— Ты всегда восхищалась ее сапфиром, Феона. Хочешь?

— Тебе не снять его, Боб.

— Сниму, — пропыхтел он, поворачивая кольцо.

— Да черт с ним, с сапфиром.

— Нет… Оно поддается.

Кольцо продвинулось, потом застряло на складке у сустава. Натянув кожу, Пил тянул и поворачивал кольцо. Раздался тошнотворный хруст и палец оторвался. Гадкий запах гнили ударил им в ноздри, пока они со смутным любопытством разглядывали палец.

Пил пожал плечами и бросил палец, потом поднялся с колен, с отвращением вытирая руки.

— Как быстро она разлагается, — сказал он. — Странно…

— Она слишком жирная, — сморщил нос Брафф.

Феона отвернулась, в неистовом отчаянии

стиснув свои локти.

— Что же нам делать? — прокричала она. — Что? Неужели не осталось на Земле ощущений, которые мы не испытывали?

Сухо прожужжав, китайские часы начали быстро бить. Полночь.

— Мы должны вернуться к наркотикам, — сказал Финчли.

— Они так же скучны, как это ничтожное убийство.

— Но есть другие ощущения. Новые.

— Назови хоть одно! — раздраженно бросила Феона. — Хотя бы одно!

— Могу назвать несколько, если ты сядешь и позволишь мне…

Внезапно Феона прервала его.

— Это ты говоришь, Диг?

— Н-нет, — сдавленным голосом ответил Финчли. — Я думал, это Крис.

— Я молчал, — сказал Брафф.

— Ты, Боб?

— Нет.

— Т-тогда…

— Если леди и джентльмены будут так добры… — произнес спокойный голос.

Он шел со сцены. Там не было никого… никого,

кто говорил бы этим спокойным, тихим голосом, только Мерлин расхаживал взад-вперед, выгибая черную спину.

— …сесть, — убедительно продолжал голос.

Брафф оказался самым смелым. Медленно, осторожными шагами он подошел к сцене, крепко сжимая в руке сигарету. Прищурившись, он склонился к авансцене, выпустил струйку дыма из ноздрей и сказал:

— Здесь ничего нет.

В этот момент голубой дымок заклубился под лампами и обрисовал какую-то фигуру. Это было не более, чем слабый контур-негатив, но и его оказалось достаточно, чтобы заставить Браффа с криком отпрыгнуть назад. Остальные тоже повернулись и схватились за стулья.

— Извините, — раздался тихий голос, — этого больше не повторится.

Пил собрался с силами и сказал:

— Чисто из…

— Да?

Пил попытался успокоить дергающуюся щеку.

— Чисто из любопытства, это…

— Успокойтесь, друг мой.

— Это подействовал ритуал?

— Конечно же, нет. Друзья мои, не нужно вызы-

вать нас такими фантастическими церемониями. Мы придем, если вы по-настоящему захотите этого.

— И вы?..

— Я? А-а… Я знал, что вы думали обо мне какое-то время. Сегодня ночью вы захотели — по-настоящему захотели, — и я пришел.

Заклубились остатки сигаретного дыма, когда обрисованная ими ужасная фигура замолчала и присела на край сцены. Кот поколебался, потом завертел головой с тихим урчанием, словно кто-то ласкал его.

Все еще отчаянно пытаясь взять себя в руки, Пил произнес:

— Но все эти церемонии и ритуалы передаются…

— Чистая символика, мистер Пил. — Пил вздрогнул, услышав свое имя. Вы, несомненно, читали, что мы не появляемся, пока не исполнится определенный ритуал, и то если он выполнен точно. Это, конечно, неправда. Мы появляемся, если приглашение искренне — и только тогда, — независимо от церемоний.

— Я ухожу, — прошептала Сидра, чувствуя тошноту и приближение истерики.

Она попыталась встать.

— Одну минутку, пожалуйста, — сказал тихий голос.

— Нет!

— Я помогу вам избавиться от вашего мужа, миссис Пил.

Сидра замолчала и опустилась обратно в кресло. Пил стиснул кулаки и открыл было рот, но прежде чем успел что-то сказать, тихий голос продолжал:

— А вы, также, не потеряете свою жену, если действительно хотите сохранить ее, мистер Пил. Я гарантирую это.

Кот поднялся в воздух и удобно устроился в нескольких футах над полом. Они глядели, как шевелится от поглаживаний густой мех на его черной спинке.

— Что вы нам предлагаете? — спросил, наконец, Брафф.

— Я предлагаю каждому из вас его заветное желание.

— А что именно?

— Новые ощущения… Множество новых ощущений…

— Что за новые ощущения?

— Например, ощущение реальности.

— Едва ли это чье-либо заветное желание, — за-

смеялся Брафф.

— Оно будет таковым, потому что я предлагаю вам пять разных реальностей — реальностей, которые вы можете создать каждый сам для себя. Я предлагаю вам миры, созданные вами самими. Например, миссис Пил может быть счастлива, убив в своем мире мужа, однако, мистер Пил может сохранить жену в своем. Мистеру Брафу я предлагаю мир мечты писателя, а мистеру Финчли — грезы художника…

— Это сны, а сны — дешевка, — сказала Феона. — Мы их видим и так.

— Но рано или поздно вы просыпаетесь и платите горькую цену, сознавая это. Я же предлагаю вам пробуждение от настоящего в будущей реальности, которую вы сможете создать по своим желаниям — в реальности, которая никогда не кончится.

— Пять одновременных реальностей, противоречащих друг другу? — сказал Пил. — Это парадокс… значит, это невозможно.

— Тогда я предлагаю вам невозможное.

— А плата?

— Извините?

— Плата? — с растущей смелостью повторил Пил. — Мы не настолько наивны. Мы знаем, что

за все нужно платить.

Наступило длительное молчание, затем голос укоризненно произнес:

— Боюсь, здесь слишком много недоразумений, и многое вы не сможете понять. Сейчас я не могу объяснить, но поверьте мне, никакой платы не нужно.

— Смешно. Ничего не дается даром.

— Ладно, мистер Пил, раз уж мы перешли на терминологию торговцев, позвольте мне сказать, что мы никогда не являемся, пока плата за наши услуги не внесена авансом. Вы уже заплатили.

— Заплатили? — Они невольно бросили взгляд на распластавшийся на полу убежища труп.

— Сполна.

— Тогда?..

— Я вижу, вы согласны? Отлично…

Кот снова поднялся в воздух и осторожно опустился на пол. Остатки дыма клубились под потолком убежища и заколебались, когда невидимое Существо сделало движение. Все пятеро инстинктивно поднялись и ждали, напряженные и испуганные, однако, ощутившие какой-то радостный подъем.

Ключ взметнулся с пола и проплыл по воздуху к двери. На мгновение он застыл перед зам-

ком, потом сам влез в скважину и повернулся. Откинулся тяжелый засов, дверь широко распахнулась. За ней должен был тянуться подземный коридор, ведущий на верхние этажи замка Саттон — низкий, узкий коридор из каменных плит и известняковых блоков. Теперь же в нескольких дюймах от двери висела огненная завеса.

Бледная, неописуемо прекрасная, она была выткана огнем из всех цветов радуги. Пастельные цветные пряди раскрывались, извивались, скручивались, как множество отдельных живых нитей. Они были бесконечно пылкие, эмоциональные, с шелковистым выражением времени и скручивающейся шкурой пространства… Они были всем в мире и сверх того — прекрасными.

— Для вас, — раздался спокойный голос, — прежняя реальность заканчивается в этой комнате.

— Так просто?

— Вот именно.

— Но…

— Вы стоите здесь, — продолжал голос, — в последнем зернышке, последнем ядре, так сказать, того, что было для вас реальностью. Перешагните порог, пройдите через завесу, и вы вступите в реальность, которую я вам обещал.

— И что мы найдем за завесой?

— То, что делает каждый из вас. Сейчас за завесой лежит ничто. Там ничего нет — ничего, кроме времени и пространства, ждущих творения. Но это ничто и есть потенциальное в с ё.

— Одно время и одно пространство? — понизив голос, сказал Пил. Будет ли их достаточно для различных желаний?

— Все времена и все пространства, мой друг, — ответил спокойный голос. Пройдите, и вы найдете матрицу мечты.

Они сгрудились, прижались друг к другу со странным чувством товарищества. Но теперь, в наступившей тишине, они разделились, словно каждый получил знак от своей собственной реальности — жизни, совершенно отделенной от прошлого и от друзей минувших дней. Это был жест полного обособления.

Все разом, импульсивно, однако, независимо друг от друга, они пошли к сияющей завесе.

2

Я художник, подумал Дигби Финчли, а художник — это творец. Творить, значит, быть богоподобным, и я буду таким. Я буду богом в моем мире и из ничего сотворю все, и все мое будет прекрасным.

Он первым достиг завесы и первым прошел через нее. Буйство красок ослепило его холодными брызгами. Он зажмурился, а когда открыл глаза, завеса осталась позади, и он стоял в темноте.

Но это была не темнота.

Это было слепая, агатово-черная, бесконечная пустота. Она тяжелой рукой ударила ему по глазам и вдавила глазные яблоки в череп свинцовыми грузилами. Его охватил ужас. Он отдернул голову, уставившись на непроницаемую пустоту, принимая воображаемые вспышки света за настоящие.

Он ни на чем не стоял.

Он сделал неуклюжий шаг, и это выглядело так, словно он был лишен всяческого контакта с массой и материей. Страх перерос в ужас, когда он начал понимать, что совершенно один. Нечего

было видеть, нечего слышать, не к чему прикасаться. Его охватило абсолютное одиночество, и в то же мгновение он понял, насколько правдив был голос в убежище и как ужасающе реальна его новая реальность.

И так же мгновенно пришло его спасение.

— Ибо, — пробормотал Финчли, сухо уставившись в пустоту, божественному существу присуще быть одиноким… уникальным.

Затем он полностью успокоился и неподвижно повис вне времени и пространства, собираясь с мыслями для творчества.

— Сперва, — сказал, наконец, Финчли, — у меня должен быть небесный трон, приличествующий богу. У меня также должно быть царствие небесное и охранники-ангелы, ибо не подобает богу быть совершенно одному.

Он немного поколебался, обдумывая различные виды небесных царствий, которые знал по книгам и картинам. Нет нужды, подумал он, особо оригинальничать с этим. Оригинальность будет играть важную роль в сотворении вселенной. А пока что нужно обеспечить себя приемлемым достоинством и роскошью, и для этого вполне подойдет вторичная обстановка древнего Яхве.

Подняв руку, он застенчивым жестом отдал

приказ. Мгновенно пустота залилась светом, и перед ним возникли огромные золотые ступени, ведущие к сверкающему трону. Трон был высокий, обложенный подушками. Подлокотники, ножки и спинка были из мерцающего серебра, а подушки из императорского пурпура. И однако… все было отвратительным. Ножки слишком длинные и тонкие, спинка рахитично узкая, а подлокотники скользкие.

— Уфф!.. — сказал Финчли и попытался все переделать. Однако, как ни менял он пропорции, трон оставался ужасным. Ступени тоже были отвратительные. По какому-то капризу творения, золотые прожилки в мраморе изгибались и скручивались, образуя непристойные рисунки, слишком напоминающие эротические картинки, которые Финчли рисовал в своем прошлом существовании.

Наконец, он махнул рукой, поднялся по ступеням и неуютно устроился на троне. Сидеть ему было так же удобно, как собаке на частоколе. Он слегка пожал плечами и сказал:

— А, черт, я никогда не конструировал мебель…

Оглядевшись вокруг, Финчли снова поднял руку. Облака, покрывавшие все вокруг трона, от-

катились назад, открывая высокие хрустальные колонны и парящую арочную кровлю, сложенную из гладких блоков. Зал тянулся на тысячи ярдов, как бесконечный кафедральный собор, и вся протяженность его была наполнена рядами охранников.

В первых рядах были ангелы, хрупкие крылатые существа в белых мантиях, с кудрявыми белокурыми волосами, сапфирово-голубыми глазами и зло улыбающимися губами. За ангелами стояли на коленях херувимы — гигантские крылатые быки с рыжевато-коричневыми шкурами и копытами из кованого металла. Их ассирийские головы были украшены тяжелыми бородами с блестящими черными завитками. Третьими стояли серафимы — ряды огромных шестикрылых змей с драгоценной чешуей, полыхающей бесшумным пламенем.

Пока Финчли сидел и пялился на них, восхищаясь деянием своих рук, они запели в тихий унисон:

— Слава Богу, слава Господу Финчли, Всевышнему… Слава Господу Финчли…

Финчли сидел, смотрел и постепенно все словно искажалось у него на глазах, и ему показалось, что все это скорее кафедра ада, нежели неба.

Колонны мерзко скручивались у вершины и основания, и по мере того, как зал уходил в дымку расстояния, он казался наполненный тенями, пляшущими и гримасничающими.

И совсем вдалеке среди колонн его изумили маленькие сценки. Даже во время пения ангелы строили сияющие голубые глазки херувимам. А за колоннами он увидел крылатое существо, потянувшееся и похотливо обнявшее белокурую ангелицу.

С воплем отчаяния Финчли поднял руку, и снова его окутала тьма.

— Это уж слишком, — сказал он, — для Царствия Небесного…

Дрейфуя в пустоте, он задумался над другим невыразимым периодом, борясь с самой обширной художественной проблемой, какую когда-либо атаковал.

Вплоть до настоящей минуты, подумал Финчли с пробежавшим по спине ужасом, я был просто игроком, чувствующим свою силу… знающим, так сказать, путь художника с пастелью и бумагой… Детские игрушки! Сейчас настало время браться за настоящую работу.

Торжественно, как, он считал, подобает богу, Финчли вел трудное совещание с собой в про-

странстве.

Что, спросил он себя, являлось творцом в прошлом?

Это можно назвать природой.

Отлично, назовем его природой.

Ну, а какие объекты сотворила природа?

Гм… природа никогда не была художником. Природа просто слепо экспериментировала. Следовательно, красота была побочным продуктом. Разницей между…

Разницей, прервал он себя, между старой природой и новым богом Финчли будет порядок. Нужно просто выбросить из космоса лишнее и придать ему красоту. Не будет ничего случайного. Не будет никаких ошибок.

Сперва — холст.

— Да будет бесконечное пространство! — крикнул Финчли.

В пустоте его голос прозвучал в черепе и эхом отдался в ушах плоским, угрюмым звуком, но в то же мгновение непроницаемая пустота превратилась в прозрачную черноту. Финчли по-прежнему ничего не видел, но почувствовал разницу.

В прежнем космосе были звезды, подумал он, туманности и огромные раскаленные тела, просто раскиданные по небесной сфере. Никто не

знал их цели… Никто не знал их оригинального предназначения.

В моем космосе будет цель, каждое тело будет служить опорой расе существ, чьей единственной функцией будет служение мне…

— Да заполнит пространство тысяча вселенных! — крикнул он. — Тысяча галактик да образует каждую вселенную и миллион солнц да составит каждую галактику. Да будет у каждого солнца кружиться по десять планет, а у каждой планеты — по две луны. Да будет вращаться все вокруг их создателя! Ну!

Финчли закричал, когда вокруг него взорвался в беззвучном катаклизме свет. Звезды, близкие и горячие, как солнца, далекие и холодные, как игольные острия… Отдельные, попарные и собранные в огромные туманные облака… Сверкающие красным, желтым, густо-зеленым и фиолетовым… Суммой их сияния был сумбур света, сжавший ему сердце и наполнивший его всепоглощающим страхом перед скрытой в нем энергией.

— Ну, — прошептал Финчли, — это вполне космическое творение за все время существования…

Он закрыл глаза и напряг всю свою волю. Ощу-

тив под ногами твердь, он осторожно открыл глаза и увидел, что стоит на одной из своих планет с голубым небом и голубовато-белым солнцем, потихоньку склоняющимся к западному горизонту.

Это была голая коричневая земля, насколько хватало глаз, огромный шар зачаточной материи, ждущей творения, и он решил, что первым делом он создаст добрую зеленую Землю для себя — планету красоты, где Финчли, Бог всего сущего, будет проживать в своем Эдеме.

Весь остаток дня он работал быстро, с тонким артистизмом. Огромный океан, зеленоватый, с хлопьями белой пены, омывал полпланеты. Сотни миль водного пространства чередовались с группами теплых островов. Единственный континент он разделил пополам хребтом зубчатых гор и протянул его от полюса к полюсу.

Он работал с бесконечной осторожностью. Пользуясь маслом, акварелью, углем и свинцовыми белилами, он проектировал и оформлял весь свой мир. Горы, долины, равнины, скалы, пропасти и простые валуны — все было оформлено в плавных переходах красоты сбалансированных масс.

Весь его дух художника был вложен в умно

разбросанные озера, подобные сверкающим драгоценным камням, в милые арабески извивающихся рек, создающих на лике планеты причудливую картину. Он посвятил себя выбору красок: серый гравий, розовый, белый и черный песок, добрые коричневые и красноватые почвы, испещренные блестящей слюдой и кремнием… И когда солнце, наконец, скрылось после первого дня работы, его Эдем был раем из камней, земли и металла, подготовленным для жизни.

Когда небо потемнело, бледная луна, как лик смерти, поднялась на небосвод. И пока Финчли встревоженно глядел на нее, вторая луна с кроваво-красным диском явила ужасный лик свой над восточным горизонтом и призрачно поплыла по небесам. Финчли отвел от них глаза и уставился на мерцающие звезды.

От их созерцания он получил громадное удовольствие.

— Я точно знаю, сколько их, — благодушно подумал он. — Нужно умножить сто на тысячу и на миллион, чтобы получить ответ… И все это по моему приказу!

Он лег на теплую мягкую почву и заложил руки под голову, глядя вверх.

— И я точно знаю, что все они там — опора для

жизни людей, бессчетных миллиардов жизней, какие я задумаю и создам единственно для того, чтобы служили и поклонялись Господу Финчли… Вот цель для вас!

И он знал, куда направляется каждая из этих голубых, красных и индиговых точек, потому что на всем протяжении громадного пространства они неслись по круговым орбитам, и центром их была точка в небе, которую он только что покинул. В один прекрасный день он вернется туда и создаст свой небесный дворец. Там он будет восседать целую вечность, наблюдая за вращением своей вселенной.

Затем в зените мелькнуло странное красное пятнышко. Финчли сперва поглядел на него рассеянно, затем со сдержанным вниманием, когда показалось, что оно растет. Оно медленно расплывалось, как чернильная клякса, и через несколько секунд поменяло цвет на оранжевый, а затем на чисто белый. И впервые Финчли с беспокойством ощутил тепло.

Прошел час, затем два и три. Красно-белый кулак распространялся по небу, пока не стал раскаленным туманным облаком. Тонкий, разреженный край медленно приблизился к звезде, затем коснулся ее. Внезапно блеснул слепящий

взрыв и Финчли окутал опаляющий свет, озаривший все вокруг жуткой вспышкой горящего магния. Нахлынула жара, мелкие капельки пота выступили на его коже.

К полуночи необъяснимый ад заполнил половину неба и мерцающие звезды вспыхивали одна за другой в беззвучных взрывах. И был слепяще-белый свет, и была удушающая жара. Финчли вскочил на ноги и побежал, тщетно ища тень или воду. И только тогда он понял, что его вселенная впадает в безумие.

— Нет! — отчаянно завопил он. — Нет!

Жара ударила его, точно дубиной. Он упал и покатился по ранящим камням, и остановился, ударившись лицом. Даже заслонив зажмуренные глаза ладонями, он видел бушующий свет и чувствовал жар.

— Почему все пошло не так? — простонал Финчли. — Здесь было достаточно места для всего! Почему же все…

Словно в горячечном бреду, он почувствовал, как затряслись скалы, когда его Эдем начал раскалываться на куски.

— Стой! — закричал он. — Стой! Остановись! — Он тщетно бил себя кулаками по голове и, наконец, прошептал: — Ладно… если я совершил

еще одну ошибку, тогда… Ладно… — Он слабо махнул рукой.

И опять небеса стали черными и пустыми, только две паршивые луны висели над головой, продолжая свое долгое путешествие к западу. А на востоке появилась слабая заря.

— Значит, — пробормотал Финчли, — нужно знать математику и физику, чтобы создать космос. Ладно, я могу изучить это потом. Я художник и никогда не претендовал на знание всего такого. Но… я *художник*, и осталась еще моя добрая зеленая Земля для людей… Завтра… Посмотрим… Завтра…

На этом он заснул.

Солнце было уже высоко, когда он проснулся, и злобный, сверкающий глаз светила наполнил его беспокойством. Взглянув на ландшафт, который он создал вчера, он ощутил еще большее беспокойство, потому что во всем было какое-то неуловимое искажение. Дно долины выглядело нечистым, словно было выстлано чешуйками проказы. Скалы образовывали странные, внушающие страх очертания. Даже озера содержали намек на ужас, таившийся под их гладкой, нетронутой поверхностью.

Нет, он ничего не замечал, когда внимательно

но рассматривал плоды своего творчества, все проявлялось, только когда он отводил взгляд в сторону. Если глядеть прямо, все казалось в полном порядке. Пропорции были верные, линии великолепные, краски восхитительные. Однако… Он пожал плечами и решил, что нужно немного попрактиковаться в эскизах. Без сомнения, в его работе была какая-то неуловимая ошибка.

Он подошел к крошечному ручейку и зачерпнул с берега сырой красной глины. Он сделал из нее гладкий шар, затем вытянул его. После этого слегка подсушил на солнце, нашел тяжелый каменный блок в качестве пьедестала и начал работать. Руки его по-прежнему были опытны и уверены. Сильными пальцами он вылепил большого пушистого кролика. Тело, лапки, голова, прелестная мордочка… Кролик пригнулся на камне, казалось, готовый спрыгнуть с пьедестала. Финчли нежно улыбнулся своей работе, уверенность его наконец-то восстановилась. Он еще раз хлопнул фигурку по голове и сказал:

— Живи, дружище…

Секундная нерешительность, пока жизнь вливалась в глиняную фигурку, затем кролик неуклюжим движением выгнул спину и попытался прыгнуть. Он передвинулся к краю

пьедестала, где замер на мгновение и тяжело шлепнулся на землю. Неуклюже поднявшись, он издал ужасные хрюкающие звуки и повернулся к Финчли. На мордочке животного появилось выражение недоброжелательности.

Улыбка застыла на лице Финчли. Он нахмурился, поколебался, затем собрал еще один ком глины и установил на камне. Он работал в течение часа, лепя изящного ирландского сеттера. Наконец, так же хлопнул его и сказал:

— Живи…

Мгновение собака была застывшей, затем беспомощно заскулила и поднялась на дрожащие лапы, как какой-то гигантский паук, с расширившимися и остекленевшими глазами. Проковыляв к краю пьедестала, она спрыгнула и наткнулась на ногу Финчли. Издав низкое рычание, собака впилась острыми зубами в ногу. Финчли с криком отскочил и яростно пнул ее. Скуля и воя, собака заковыляла по полю, как искалеченный монстр…

Кипя от ярости, Финчли вернулся к работе. Он лепил фигуру за фигурой, вдыхал в нее жизнь, и все они — обезьяна, лиса, ласка, крыса, ящерица, жаба, рыбы длинные и короткие, тонкие и упитанные, бессчетные птицы — все были

чудовищными гротесками, что уплывали, ковыляли или упархивали кошмарными видениями. Финчли был измучен и озадачен. Он сел на пьедестал и зарыдал, в то время, как его усталые пальцы продолжали мять глину.

Я по-прежнему художник, подумал он. Что же такое? Почему все, что я делаю, превращается в жутких уродов?

Пальцы его работали и глина начала превращаться в голову.

Когда-то у меня были удачные произведения, думал он. Не все же люди сумасшедшие. Они покупали мои работы, но самое важное, что работы были прекрасными.

Он заметил, что держит в руках ком глины. Это была частично вылепленная женская голова. Он тщательно осмотрел ее и улыбнулся.

— Ну, конечно же! — воскликнул он. — Я же не скульптор-анималист. Поглядим, что у меня получится с человеческой фигурой…

Быстро натаскав глины, он вылепил фигуру. Руки, ноги, торс и голова были готовы. Он работал, напевая себе под нос. При этом он думал: у меня будет самая прелестная Ева, когда-либо созданная… даже больше… ее дети будут действительно детьми бога!

Влюбленными руками он вылепил лоно, выпуклые груди и бедра, ловко придал изящным ногам тонкие лодыжки. Бедра были крутыми, живот по-девичьи плоским. Вылепив сильные плечи, он внезапно остановился и отступил.

Возможно ли это? — подумал он.

Он медленно обошел полузавершенную фигуру.

Да…

Может быть, сила привычки?

Возможно… А может, любовь, которую он носил в себе столько пустых лет.

Он вернулся к работе и удвоил усилия. В приподнятом настроении он завершил руки, шею и голову. Что-то подсказывало ему, что тут он не может потерпеть неудачу. Слишком часто он лепил такие фигуры вплоть до мельчайших подробностей. И когда он закончил, на каменном пьедестале стояла великолепная скульптура из глины — Феона Дубидат.

Финчли был удовлетворен. Он устало сел, прислонившись спиной к валуну, создал из пустоты сигарету и закурил. Почти минуту он сидел и курил, чтобы успокоиться. Наконец, он сказал со сладостным предвкушением:

— Женщина…

Он задохнулся и замолчал, затем начал снова:

— Оживи… Феона!

Секунда для прихода жизни. Нагая фигура шевельнулась, потом задрожала. Притягиваемый, как магнитом, Финчли встал и шагнул к ней, протягивая руки в немом призыве. Из груди ее вырвался хриплый вздох, большие глаза медленно открылись и остановились на нем.

Ожившая девушка напряглась и закричала. Прежде чем Финчли успел коснуться ее, она вцепилась ему в лицо — длинные ногти проделали глубокие царапины, — потом метнулась к краю пьедестала, спрыгнула и побежала по полю, как и все остальные — побежала, как испуганное, обезумевшее животное, крича и завывая на бегу. Низкое солнце запятнало ее тело, отбрасываемая ею тень была чудовищной.

После того, как она скрылась, Финчли долго стоял, всматриваясь в том направлении, а тщетная и горькая любовь жгла его тело. Наконец, он повернулся к пьедесталу и с ледяной беспристрастностью вновь принялся за работу. Он не останавливался, пока пятое по счету соблазнительное существо с криками не убежало в ночь… Тогда и только тогда он остановился и долго стоял, глядя то на руки, то на чудовищные луны,

висящие над головой.

Затем что-то прикоснулось к его плечу, и он не слишком удивился, увидев стоящую возле него леди Саттон. На ней по-прежнему было открытое вечернее платье, двойной лунный свет заливал ее, как всегда, грубое мужское лицо.

— А… это вы? — сказал Финчли.

— Как ты тут, Диг, радость моя?

Он немного подумал, пытаясь найти хоть какой-то смысл в нелепом безумии, пронизывающем его космос.

— Не слишком хорошо, леди Саттон, — сказал он, наконец.

— Неприятности?

— Да… — Он замолчал и уставился на нее. — Могу я спросить, леди Саттон, какого дьявола вы здесь делаете?

— Я же мертва, Диг, — рассмеялась она. — Ты-то уж должен это знать.

— Мертвы? Да… Я… — Он замолчал в замешательстве.

— Не трудно догадаться, что я бы сделала это сама, знаешь ли.

— Сами?

— Ради новых ощущений. Это всегда было нашим девизом, верно? — Она благодушно кивнула

ему и усмехнулась. Все та же старая, озорная усмешка.

— Что вы здесь делаете? — спросил Финчли. — Я имею в виду…

— Я же сказала, что мертва, — прервала его леди Саттон. — Ты много чего не понимаешь в смерти.

— Но здесь моя собственная, персональная, личная реальность. Она принадлежит мне.

— Но я же мертва, Диг. Я могу попасть в любую проклятую реальность, которую выберу. Погоди… и ты узнаешь.

— Я не… Вот что, — сказал он, — я никогда этого не узнаю, потому что никогда не умру.

— Ого!

— Да, не умру. Я — бог.

— Ты бог? Ну, и как это тебе нравится?

— Я… мне… — замялся он, подыскивая слова. — Я… ну, кое-кто обещал мне реальность, которую я могу сотворить сам. Но у меня не получается, леди Саттон, не получается…

— И почему же?

— Не знаю. Я бог, но всякий раз, когда я пытаюсь создать что-то прекрасное, оно становится отвратительным.

— Например?

Он показал ей искаженные горы и равнины, дьявольские реки и озера, отвратительные хрюкающие существа. Леди Саттон осмотрела все это с пристальным вниманием. Наконец, она сморщила губы и на секунду задумалась, потом пристально поглядела на Финчли.

— Странно, что ты не сделал зеркало, Диг, — сказала она.

— Зеркало? — повторил он. — Нет, не делал… Я никогда не нуждался…

— Ну, так вперед. Сделай зеркало.

Он бросил на нее недоумевающий взгляд и махнул рукой. В ней появилось квадратное посеребренное стекло. Он протянул зеркало леди Саттон.

— Нет, — сказала леди Саттон, — это для тебя. Загляни в него.

Удивленный, он поднял зеркало. Он испустил хриплый вопль и смотрелся пристальнее. Изображение глянуло на него из вечного полумрака, как морда химеры. Маленькие, косо посаженные глазки, приплюснутый нос, желтые гнилые зубы, искаженные развалины лица — он увидел все, что видел в своем безобразном космосе.

Он увидел непристойный небесный собор и все проделки ангелов-хранителей, огненный ланд-

шафт его Эдема, каждое безобразное существо, которое он создал, каждый ужас, что наплодило его воображение. Он швырнул зеркало, разбив его вдребезги, и повернулся к леди Саттон.

— Что?.. — вопросил он. — Что это?

— Ну, ты же бог, Диг, — захохотала леди Саттон, — и должен знать, что бог может создавать все только по образу и подобию своему. Да, ответ очень прост. Превосходная шутка, не так ли?

— Шутка? — Смысл происходящего громом прогрохотал в его голове. Вечно жить с отвратительным собой, над собой, в окружении себя… снова и снова повторяться в каждом солнце и звезде, в каждом живом и мертвом предмете, в каждом существе… Чудовищный бог, сытый собой по горло и медленно, неотвратимо сходящий с ума.

— Шутка?! — закричал он.

Он бросился вниз головой и поплыл, уничтожив контакт с массой и материей. Он снова был совершенно один, ничего не видя, ничего не слыша, ни к чему не прикасаясь. И пока он неопределенный период времени размышлял над неизбежной тщетностью своей следующей попытки, он совершенно отчетливо слышал далеко внизу знакомый смех.

Такого было Царствие Небесное Финчли.

3

— Дай мне силы! О, дай мне силы!

Она прошла через сверкающую завесу следом за Финчли, маленькая, стройная, смуглая женщина, и оказалась в подземном коридоре замка Саттон. На секунду она была поражена своей молитвой, полуразочарована тем, что не обнаружила страны туманов и грез. Затем, с горькой усмешкой, она вновь воззвала к реальности, которой жаждала.

Перед ней стояли латы: стройная, высокая фигура из полированного металла, венчавшаяся изогнутым плюмажем. Она подошла к ней. С тускло мерцающей стали на нее глянуло слегка искаженное отражение: привлекательное, чуть вытянутое лицо, угольно-черные глаза, угольно-черные волосы, спадающие на лоб строгой вдовьей челкой. Отражение говорило: это Сидра Пил. Это женщина, чье прошлое было связано с тупицей, называвшим себя ее мужем. Сегодня она сбросит эти узы, если только найдет силы…

— Разорви оковы, — свирепо сказала она, — и с этого дня жизнь для него станет хуже агонии.

Боже — если ты есть в моем мире, — помоги мне свести счеты! Помоги мне…

Сидра замерла, пульс ее бешено бился. Кто-то спустился тем же коридором и стоял у нее за спиной. Она чувствовала тепло — ауру присутствия, — почти непереносимое давление тела рядом с ней. Туманное в зеркальной броне лат, она увидела лицо, уставившееся через ее плечо.

— Ах! — воскликнула она и обернулась.

— Простите, — сказал он, — я думал, вы меня ждете.

Ее глаза приковались к его лицу. Он приветливо улыбался. У него были светлые волнистые волосы, пульсирующая жилка на виске, а в чертах лица мелькали нескрываемые эмоции.

— Успокойтесь, — сказал он, пока она безумно скрипела зубами, стараясь подавить рвущийся из груди крик.

— Но к-кто… — Она замолчала и попыталась сглотнуть.

— Я думал, вы ждете меня, — повторил он.

— Я… жду вас?

Он кивнул и взял ее руки. Ее ладони были холодные и влажные.

— Вы назначили мне здесь свидание.

Она приоткрыла рот и покачала головой.

— Ровно в двадцать четыре часа, — он отпустил ее руки, чтобы взглянуть на свои часы. — И вот я здесь, точка в точку.

— Нет, — сказала она, отступая, — нет, это невозможно. Я не назначала никакого свидания. Я не знаю вас.

— Вы не узнаете меня, Сидра? Гм, странно… Но я думаю, вы вспомните, кто я.

— И кто же вы?

— Не скажу. Вы должны вспомнить сами.

Немного успокоившись, она внимательно рассмотрела его лицо.

На ее лице стремительно менялись выражения внимания и тревоги. Этот человек тревожил и зачаровывал ее. Она боялась его присутствия, но была заинтригована и чувствовала к нему тягу.

Наконец, она покачала головой.

— Нет, я не помню вас. Мистер Как-вас-там, я не назначала вам здесь свидания.

— Назначали, можете быть уверены.

— Я точно знаю, что нет! — Она вспыхнула, оскорбленная его наглой уверенностью. — Я хотела свой мир, тот старый мир, который я знала…

— Но с одним исключением?

— Д-да… — Ее негодующий взгляд заколебался и гнев испарился. — Да, с одним исключением.

— И вы просили силы, чтобы создать это исключение?

Она кивнула.

Он усмехнулся и взял ее под руку.

— Ну, Сидра, значит, вы позвали меня и у нас здесь свидание. Я ответ на вашу просьбу.

Она позволила провести себя по узкому, с ведущими вверх ступеньками коридору, неспособная вырваться на свободу из магнетических прикосновений. Касание его руки было пугающим. Все в ней кричало от изумления — и одновременно жадно приветствовало это.

Пока они шли под тусклыми редкими лампами, она украдкой наблюдала за ним. Он был высок и великолепно сложен. Толстые жилы напрягались на мускулистой шее при малейшем повороте головы. Одет он был в твидовый костюм с песочной текстурой, испускавший острый, приятный запах. Рубашка была с открытым воротом, грудь густо поросла волосами.

В подземном этаже замка не было слуг. Незнакомец быстро провел ее прекрасными комнатами к гардеробной, где взял ее пальто и накинул ей на плечи. Затем сильно сжал ее руки.

Наконец, она вырвалась. Прежний гнев захлестнул ее. В тихом сумраке вестибюля она

увидела, что он по-прежнему улыбается, и это добавило пороху в ее ярость.

— Ах! — вскричала она. — Что я за дура… Принять вас само собой разумеющимся. «Я пришел по вашей просьбе…» «Я знаю вас…» За кого вы меня принимаете? Уберите руки!

Тяжело дыша, она метала в него яростные взгляды. Он не ответил. Лицо его оставалось невозмутимым. Как у змеи, подумала она, у змеи с гипнотическими глазами. Змея сворачивается кольцами в бесстрастной красоте и невозможно избежать ее смертельного очарования. Как высокая башня, с которой так и хочется прыгнуть… Как острая, блестящая бритва, легко проникающая в мягкое горло… Нельзя избежать…

— Уходите! — крикнула она в последнем отчаянном усилии. — Убирайтесь отсюда! Это мой мир! Здесь все мое, как я пожелала. Я не хочу делить его с вами, грязной, высокомерной свиньей!

Он молча схватил ее за плечи и притянул вплотную к себе. Пока он ее целовал, она пыталась вырваться из его сильных рук, убрать от него свои губы. И при этом знала, что, даже если он отпустит, она не сможет прервать этот бешеный поцелуй.

Она всхлипнула, когда он ослабил хватку, голова ее откинулась назад. Однако, он сказал любезным тоном, словно продолжая светскую беседу:

— Вы хотите одного в вашем мире, Сидра, и должен быть я, чтобы помочь вам.

— Ради небес, скажите, кто же вы?

— Я сила, которую вы призывали. Ну, а теперь идемте.

Ночь была черной, как деготь, когда они сели в двухместный автомобиль Сидры и поехали в Лондон. Дорога оказалась ужасной. Осторожно ведя автомобиль по краю, Сидра могла различать, по меньшей мере, белую линию, делящую дорогу пополам, и высокое бархатное небо на фоне агатового горизонта. Млечный Путь на горизонте казался длинной полоской рассыпанного порошка.

Отчетливо чувствовался дующий в лицо ветер. Вспыльчивая, безрассудная и своевольная, как всегда, она надавила ногой на акселератор и погнала ревущий автомобиль по темной опасной дороге, желая чувствовать холодный ветер на лбу и щеках. Ветер развевал позади ее волосы. Ветер переливался через ветровое стекло, как потоки холодной воды. Он будил в ней смелость

и уверенность. И, что самое лучшее, он вернул ей чувство юмора.

— Как вас зовут? — не поворачиваясь, спросила она.

— А какая разница? — смутно долетел сквозь шум ветра его ответ.

— Разница, конечно, есть. Не звать же вас «Эй!» или «Я говорю вам» или «Дорогой сэр»…

— Хорошо, Сидра. Зовите меня Эрдис.

— Эрдис? Это ведь не английское имя, верно?

— А вам не все равно?

— Не будьте таким таинственным. Конечно, не все равно. Я пытаюсь найти вам место.

— Вижу.

— Вы знаете леди Саттон?

Не получив ответа, она взглянула на него, и по спине прошел холодок. У него был таинственный вид — силуэт на фоне полного звезд неба. Он казался неуместным в открытом автомобиле.

— Вы знаете леди Саттон? — повторила она.

Он кивнул, и она снова обратила внимание на дорогу. Они оставили позади поля и мчались через лондонские пригороды. Маленькие квадратные домишки, одинаково скучных, грязных оттенков, проносились мимо с приглушенным «вхумп-вхумп-вхумп» — эхом шума их двига-

теля.

— Где вас высадить? — все еще веселая, спросила она.

— В Лондоне.

— А где именно?

— На Челси-сквере.

— Вот как? Странно. Какой номер?

— Сто сорок девять.

Она разразилась смехом.

— Ваша наглость удивительна. — Она задохнулась и снова взглянула на него. — Это, видите ли, мой адрес.

— Я знаю, Сидра, — кивнул он.

Смех ее оборвался. С трудом подавив вскрик, она отвернулась и уставилась в ветровое стекло, руки ее дрожали на баранке. У мужчины, сидящего рядом с ней, не колыхался ни один волосок.

— Милостивые небеса! — вскричала она про себя. — Куда я попала?.. Кто это чудовище, этот… Отче наш, иже еси на небес, да святится имя твое… Избавь от него! Я не хочу его! Я хочу поменять мир! Прямо сейчас! Я хочу убрать из него этого…

— Бесполезно, Сидра, — сказал он.

Губы ее дернулись и она снова взмолилась: убери его отсюда! Измени все… что-нибудь… только убери его. Пусть он исчезнет. Пусть тьма

и пустота поглотят его. Пусть он исчезнет…

— Сидра, — крикнул он, — прекрати! — Он резко толкнул ее. — Тебе не избавиться от меня таким способом… Слишком поздно!

Она прекратила молиться, паника охватила ее и заморозила мысль.

— Когда ты выбрала свой мир, — старательно объяснил он ей, как ребенку, — ты вверила ему себя. Ты не можешь раздумать и поменять его. Разве тебя не предупреждали?

— Нет, — прошептала она, — не предупреждали.

— Ну, так знай теперь.

Она была немая, оцепенелая и одеревеневшая. Но не до конца.

Молча она последовала за ним. Они вошли в сад перед домом и остановились. Эрдис объяснил, что нужно войти в дом через заднюю дверь.

— Нельзя же, — сказал он, — открыто входить для убийства. В любом путном детективе так не делается. А мы в реальной жизни и нужно проявлять осторожность.

В реальной жизни, истерично подумала она, пока они шли. В реальной! Существо в убежище…

— Похоже, вы опытны в подобных делах, — сказала она вслух.

— Пойдем через сад, — сказал он, легонько касаясь ее руки. — Нас не должны видеть.

Тропинка между деревьями была узкой, а трава и колючий кустарник по обеим ее сторонам высокими. Она последовала за Эрдисом, когда они миновали железные ворота и вошли. Он пропустил ее вперед.

— Что касается опыта, — сказал он, — да, я вполне опытен. Вы должны знать это, Сидра.

Она не знала. Она не ответила. Вокруг густо росли деревья, кусты и трава, и, хотя она сотни раз ходила по саду, они казались нелепыми и чужими. Они были неживыми… И слава богу за это. Она еще ничего не понимала, но видела, что они выглядят, точно каркасы, словно уже принимали участие в каком-то подлом убийстве или самоубийстве много лет назад.

Вонючий дым в глубине сада заставил ее закашляться, и Эрдис похлопал ее по спине. Она задрожала от его прикосновения, остановилась, кашляя, и почувствовала на плече его руку.

Она ускорила шаги. Его рука соскользнула с плеча, он взял ее под руку. Она выдернула руку и побежала по тропинке, спотыкаясь на высоких каблучках. Позади она услышала приглушенное восклицание Эрдиса и его шаги, когда он

поспешил за ней. Тропинка полого спускалась к маленькому заболоченному пруду. Земля стара сырой и скользкой. Несмотря на теплую ночь, кожа Сидры покрылась пупырышками, а шаги позади приближались.

Дыхание Сидры стало прерывистым, а когда тропинка вильнула и начала подниматься, Сидра почувствовала, что легкие горят огнем. Ноги заныли, казалось, в следующее мгновение она рухнет на землю. Между деревьями она увидела железные ворота на другом конце сада и рванулась к ним из последних сил.

Но что, в замешательстве подумала она, делать дальше? Он настигнет меня на улице… Возможно, даже раньше… Я должна вернуться к машине… Нужно уехать… Я…

В воротах он схватил ее за плечо, и на долю секунды она была готова сдаться, но тут услышала голоса и увидела людей на другой стороне улицы. Она закричала: «Эй!» и побежала к ним, громко стуча каблучками по тротуару. Когда она подбежала, они обернулись.

— Извините, — пробормотала она, — мне показалось, я вас знаю. Я шла через сад…

Она резко замолчала. Перед ней стояли Финчли, Брафф и леди Саттон.

— Сидра, дорогая! Какого дьявола ты здесь делаешь? — спросила леди Саттон. Она подалась вперед, всматриваясь в лицо Сидры, затем подтолкнула локтями Браффа и Финчли. — Девушка бежит через сад. Попомни мои слова, Крис, это неспроста.

— Похоже, ее напугали, — отозвался Брафф. Он шагнул в сторону и пристально поглядел через плечо Сидры. Его белая голова светилась при свете звезд.

Сидра, наконец, отдышалась и обернулась. Эрдис стоял тут же, спокойный и вежливый, как и прежде. Бесполезно пытаться объяснить, беспомощно подумала она. Никто не поверит. Никто не поможет.

— Всего лишь небольшой моцион, — сказала она. — Такая прелестная ночь.

— Почему вы так внезапно ушли, Сидра? — спросил Финчли. — Боб был в ярости. Мы только что отвезли его домой.

— Я… — Какое безумие! Она же сама видела, как Финчли исчез за огненной завесой менее часа назад — исчез в выбранный им мир. Но вот он стоит здесь и задает вопросы.

— Но Финчли был и в вашем мире, Сидра, — пробормотал Эрдис. — И он до сих пор здесь.

— Но это невозможно! — воскликнула Сидра. — Не может быть двух Финчли!

— Двух Финчли? — повторила леди Саттон. — Понятно, где вы побывали, моя девочка. Вы пьяны! Пьяны в доску! Беготня по саду! Моцион! Два Финчли!

А леди Саттон? Она же мертва. Она тоже здесь?! Они же убили ее менее часа…

— Это другой мир, Сидра, — снова пробормотал Эрдис. — Это ваш новый мир, и леди Саттон принадлежит ему. Все принадлежат ему… кроме вашего мужа.

— Но… даже несмотря на то, что она мертва?

— Кто это мертв? — вздрогнув, спросил Финчли.

— Мне кажется, — сказал Брафф, — лучше всего отвести ее домой и уложить в постель.

— Нет, — возразила Сидра, — нет. Не надо… В самом деле, со мной абсолютно все в порядке.

— О, оставьте ее, — хмыкнула леди Саттон, перекинула пальто через свою толстую руку и двинулась дальше. — Вы же знаете наш девиз, милочка: «Никогда не вмешиваться». Увидимся с вами и Бобом в убежище через неделю, Сидра. Доброй ночи…

— Доброй ночи.

Финчли и Брафф двинулись за ней — три фигуры, слившись с тенями, исчезли в тумане. Сидра услышала голос Браффа:

— Девиз должен быть: «Ничего не стыдись…»

— Чушь, — раздался в ответ голос Финчли. — Стыд — это чувство, которого мы жаждем, как и прочие ощущения. Он заставляет…

Голоса смолкли в отдалении.

И вернулась дрожь страха. Сидра поняла, что они не видели Эрдиса… не слышали его… даже не подозревали о нем.

— Естественно, — прервал ее мысли Эрдис.

— Почему естественно?

— Поймете позже. Сейчас нам предстоит совершить убийство.

— Нет! — закричала она, вся дрожа. — Нет!

— Вот как, Сидра? И это после того, как вы столько лет думали об убийстве? Планировали его? Любовались им?

— Я… Я слишком расстроена… У меня не хватит духу…

— Успокойтесь. Идемте.

Они вместе поднялись по нескольким ступенькам узкой улочки, свернули на гравиевую дорожку и прошли через ворота, ведущие на задний двор. Взявшись за ручку двери черного

хода, Эрдис повернулся к ней.

— Настал ваш час, Сидра, — сказал он. — Пришло время, когда вы разорвете узы и будете жить вместо того, чтобы мучиться. Настал день, когда вы сведете счеты. Любовь — хорошо, ненависть — еще лучше. Прощение никчемная добродетель, страсть — всепоглощающая и конечная цель жизни.

Он открыл дверь, схватил Сидру за локоть и втащил за собой в прихожую. Здесь было темно и полно странных углов. Осторожно пробираясь в темноте, они добрались до двери, ведущей на кухню, и открыли ее. Сидра издала слабый стон и повисла на Эрдисе.

Кухня изменилась. Плита и раковина, сушилка, стол, стулья, стенные шкафы и все остальное неясно вырисовывались, искаженные, как заросли безумных джунглей. Голубоватый отблеск мерцал на полу и вокруг него шевелились тени.

Они были застывшим дымом… полужидким газом. Полупрозрачные глубины кружились и соединялись с тошнотворной волной запаха навоза. Я словно гляжу в микроскоп, подумала Сидра, на существ, которые портят кровь, которые пенят водный поток, которые наполняют болота зловонием… И самое отвратительное, что

все они являются колеблющимися изображениями моего мужа, Роберта Пила. Двадцать Пилов неясно жестикулировали и шепотом напевали:

Quis multa gracilis te puer in roza,
Perfusus liguidis urget odoribus Grato,
Sidra, sub antro?

— Эрдис! Что это?
— Еще не знаю, Сидра.
— Это призраки?
— Мы скоро узнаем.

Двадцать парообразных фигур столпились вокруг них, продолжая напевать. Сидра и Эрдис прошли вперед и остановились у края сапфирового блеска, горевшего в воздухе в нескольких дюймах над полом. Газообразные пальцы тыкали в Сидру, скользили по ней, щипали и толкали. Голубоватые фигуры сновали вокруг с шипящим смехом, в диком экстазе шлепая себя по голым задницам.

Удар по руке заставил Сидру вздрогнуть и закричать. Она опустила глаза и увидела необъяснимые бусинки крови на белой коже своего запястья. Она застыла, как зачарованная. Подняла руку ко рту и почувствовала на губах солоноватый вкус крови.

— Нет, — прошептала она, — я не верю в это. Это мне просто кажется.

Она повернулась и выскочила из кухни. Эрдис бежал за ней по пятам. А голубые призраки пели замирающим хором:

Qui nun le fruntur kredulus aursa;
Qvi semper vakuum, semper amabilem,
Spetam, nquiz aurea Fallos…

Достигнув подножия винтовой лестницы, ведущей на верхний этаж, Сидра схватилась за перила, чтобы не упасть. Свободной рукой она провела по лбу, стирая соленый привкус с губ, заставляющий сжиматься желудок.

— Мне кажется, я знаю, что это было, — сказал Эрдис.

Она уставилась на него.

— Нечто вроде обручальной церемонии, — небрежно продолжал он. — Вы читали что-то подобное, не так ли? Странно, верно? Какие мощные влияния в этом доме. Вы узнали эти призраки?

Она устала покачала головой. К чему было думать… говорить?..

— Нет? Но это неважно. Меня никогда не волновали непрошенные призраки. Больше нам

ничто не помешает… — На секунду он замолчал, потом указал на лестницу. — Я думаю, ваш муж наверху. Идемте туда.

Они стали подниматься по темной винтовой лестнице. Сидра боролась с последними проявлениями благоразумия.

ПЕРВОЕ: Ты поднимаешься по лестнице. Куда ведут ступеньки? В безумие? А все это проклятое Существо в убежище.

ВТОРОЕ: Это ад, а не реальность!

ТРЕТЬЕ: Или кошмар. Да! Кошмар. Омар прошлой ночью. Где мы были прошлой ночью с Бобом?

ЧЕТВЕРТОЕ: Милый Боб! Разве я когда-нибудь… А Эрдис! Я знаю, почему он так знаком мне, почему отвечает на мои мысли. Он, вероятно…

ПЯТОЕ:…приятный молодой человек, который в реальной жизни играет в теннис. Искаженный воображением. Да!

ШЕСТОЕ…

СЕДЬМОЕ…

— Не бегите так, — предостерег ее Эрдис.

Она остановилась и прямо-таки вытаращила глаза. Не было ни крика, ни дрожи. Она просто уставилась на то, что висело с искривленной шеей на лестничной балке. Это был ее муж, без-

вольный и неподвижный, висящий на длинной бельевой веревке.

Неподвижная фигура слегка покачивалась, как массивный маятник. Губы исказила сардоническая ухмылка, глаза вылезли из орбит и глядели на нее с наглым весельем. Сидра смутно заметила, что поднимающиеся позади ступеньки просвечивают сквозь эту фигуру.

— Соедините руки свои, — сардонически сказал труп.

— Боб!

— Ваш муж? — воскликнул Эрдис.

— Дражайшие влюбленные, — продолжал труп, — мы все собрались здесь пред ликом Господним, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину в священном браке, который… — Голос гудел и гудел.

— Боб! — простонала Сидра.

— На колени! — скомандовал труп.

Сидра ухватилась за перила и побежала, спотыкаясь, вверх по лестнице. Она чуть не упала, но сильная рука Эрдиса вовремя подхватила ее. Позади них призрачный труп продолжал:

— Объявляю вас мужем и женой…

— Теперь мы должны действовать быстро, — шепнул позади Эрдис. — Очень быстро!

На лестничной площадке Сидра сделала последнюю попытку освободиться. Она бросила все надежды на здравый смысл, на понимание происходящего. Она только хотела получить свободу и попасть в такое место, где могла бы посидеть в одиночестве, свободная от страстей, что теснились в ней, опустошая душу. Не было ни слов, ни жестов. Она остановилась и повернулась к Эрдису.

Несколько минут они стояли в темном холле, глядя друг на друга. Справа был светящийся колодец лестницы, слева — спальня Сидры. Позади короткий коридор, ведущий в кабинет Пила, в кабинет, где он бессознательно ждал, когда его зарежут. Их взгляды встретились и лязгнули, ведя безмолвную битву. И, встретив глубокий сверкающий взгляд, Сидра с агонизирующим отчаянием поняла, что проиграла.

У ней больше не было ни воли, ни силы, ни смелости. И что еще хуже каким-то небывалым насосом все это было перекачено в человека, стоявшего перед ней. Борясь, она поняла, что ее бунт сродни бунту руки или пальца против управляющего ими мозга.

Она произнесла одну только фразу:

— Во имя небес, кто вы?

— Ты это узнаешь… скоро, — ответил он. — Но мне кажется, ты уже знаешь. Мне кажется, ты знаешь!

Беспомощная, она повернулась и вошла в свою спальню. Там хранился револьвер, и она поняла, что идет за ним. Она выдвинула ящик комода и стала копаться в тряпках, ища его. Когда она заколебалась, Эрдис протянул из-за ее спины руку и взял револьвер. Щелкнул курок и револьвер облапила чья-то рука, вернее, обрубок руки, рваный и кровоточащий, с пальцем на спусковом крючке.

Эрдис попытался оторвать этот обрубок от револьвера, но ничего не вышло. Он разжимал пальцы, но ужасная рука упрямо стискивала револьвер. Сидра сидела на краю кровати, с наивным, точно ребенок, интересом глядя на этот спектакль, замечая, как рвутся мускулы на сгибе обрубка от усилий Эрдиса. Из-под двери ванной потекла красная змея. Она извивалась на полу, превратилась в маленькую речку и коснулась ее рубашки. Сердито отшвырнув револьвер, Эрдис заметил поток. Он шагнул к ванной, рывком открыл дверь и через секунду захлопнул ее.

— Идем, — сказал он, повернув голову к Сидре.

Она машинально кивнула и встала, беззаботно макая спускающуюся до полу рубашку в кровь.

У кабинета Пила она осторожно поворачивала дверную ручку, пока еле слышный щелчок не подсказал ей, что дверь открыта. Она толкнула дверь. Створка широко распахнулась, открывая полутемный кабинет мужа. Перед высоким занавешенным окном стоял стол, и за ним, спиной к вошедшим, сидел Пил. Он склонился над свечой, лампой или каким-то светильником, обрамлявшим его тело ореолом лучей. Он не шевелился.

Сидра пошла на цыпочках, затем остановилась. Эрдис приложил палец к губам и двинулся неслышно, как кот, к остывшему камину, где взял тяжелую бронзовую кочергу. Вернувшись к Сидре, он протянул ей кочергу. Ее пальцы стиснули холодную металлическую ручку так, словно были рождены для убийства.

Вопреки тому, что побудило ее пройти вперед и поднять кочергу над головой Пила, что-то слабое и уставшее внутри нее кричало и молило, стонало и хныкало, как больной ребенок. Как всплеск воды, последние капли ее хладнокровия затрепетали, прежде чем исчезнуть совсем.

Затем Эрдис коснулся ее. Его пальцы чуть надавили ей на спину и это прикосновение потрясло ее позвоночник. Не помня себя от ненависти, гнева и жгучей мстительности, она еще выше

подняла кочергу и опустила на неподвижную голову мужа.

В комнате грянул беззвучный взрыв. Замигали лампы, замельтешили тени. Сидра безжалостно била и пинала тело, сползающее со стула на пол. Она била и била его, дыхание ее истерически свистело, пока голова мужа не превратилась в размозженную, кровавую, бесформенную массу. Только тогда она выронила кочергу и повернулась на каблуках.

Эрдис встал на колени возле трупа, перевернул его.

— Все в порядке, он мертв. Об этом моменте вы и молили, Сидра. Вы свободны!

Она с ужасом глянула вниз. С покрасневшего ковра на нее тупо уставилось лицо трупа. Оно выглядело нарисованным, с подтянутыми чертами, угольно-черными глазами, угольно-черными волосами, окунувшимися во что-то коричневатое. Она застонала, когда осознание содеянного коснулось ее.

— Сидра Пил, — сказал труп, — в человеке, которого ты убила, ты убила себя — свою лучшую часть.

— О-о-ой! — закричала она и обхватила себя руками, зашатавшись от горя.

— Посмотри на меня, — сказал труп. — С моей смертью ты разрушила узы, чтобы тут же найти другие.

И она знала это. Она поняла. Все еще покачиваясь и стеная в нескончаемой муке, она увидела, как Эрдис поднялся с колен и пошел к ней с протянутыми руками. Глаза его сверкали и превратились в ужасные омуты, протянутые руки были отзвуком ее собственной неутоленной страсти, желания обнять ее. И только обнявшись, она поняла, что теперь не убежать — не уйти от собственного вожделения, что будет вечно с ней.

И вечно будет таким прекрасный новый мир Сидры.

4

После того, как другие прошли через завесу, Кристиан Брафф задержался в убежище. Он закурил еще одну сигарету, симулируя полное самообладание, выкинул спичку и сказал:

— Э-э… мистер Существо?

— Что, мистер Брафф?

Брафф не мог удержаться от быстрого взгляда в сторону звучащего из пустоты голоса.

— Я… Ну, я просто остался поболтать.

— Я так и думал, мистер Брафф.

— Думали?

— Ваша ненасытная жажда свежего материала не тайна для меня.

— О! — Брафф нервно оглянулся. — Понятно.

— Но нет причин для тревоги. Нас здесь никто не подслушает. Ваша маскировка останется нераскрытой.

— Маскировка?!

— Вы же не дурной человек, мистер Брафф. Вы никогда не принадлежали к обществу убежища Саттон.

Брафф сардонически рассмеялся.

— Не стоит притворяться передо мной, — дружелюбно продолжал голос. Я знаю, россказни о ваших плагиатах просто очередная небылица плодотворного воображения Кристиана Браффа.

— Вы знаете?

— Конечно. Вы создали эту легенду, чтобы быть вхожим в убежище. Много лет вы играли роль лживого негодяя, хотя временами кровь стыла у вас в жилах.

— И вы знаете, зачем я это делал?

— Конечно. Фактически, мистер Брафф, я знаю почти все, но признаю, что одно смущает меня.

— Что именно?

— Ну, имея такую жажду свежего материала, почему вы не довольствовались работой, подобно другим авторам, с которыми я знаком? К чему безумная жажда уникального материала… абсолютно нетронутой области? Почему вы хотели заплатить столь горькую и непомерную цену за несколько унций новизны?

— Почему? — Брафф окутался дымом и процедил сквозь зубы: — Вы бы поняли, если бы были человеком. Я не обманываюсь в этом?..

— На этот вопрос не может быть ответа.

— Тогда я скажу вам, почему. Есть то, что мучает меня всю жизнь. Мое воображение.

— А-а… Воображение!

— Если воображение слабое, человек всегда может найти мир глубоким и полным бесконечных чудес, местом многочисленных восторгов. Но если воображение сильное, крепкое, неустанное, он обнаружит мир очень жалким… тусклым, не считая чудес, которые создал он сам.

— Воображаемых чудес.

— Для кого? Только не для меня, мой невидимый друг. Человек ничтожное существо, рожденное с воображением богов и созданное когда-то из глиняного шарика и слюны. Во мне уникальная личность, мучительный стон безвременного духа… И все это богатство завернуто в пакет из быстро снашивающейся кожи!

— Личность… — задумчиво пробормотал голос. — Это нечто такое, чего, увы, никто из нас не понимает. Нигде во всей известной вселенной нельзя найти ее, кроме как на этой планете, мистер Брафф. Иногда это пугает меня и убеждает, что ваша раса будет… — Голос резко оборвался.

— Чем будет? — быстро спросил Брафф.

Существо проигнорировало его.

— Будете выбирать другую реальность в вашей вселенной или удовлетворитесь тем, что уже имеете? Я могу предложить вам миры огромные

и крошечные, великие создания, сотрясающие пространство и наполняющие пустоту громами, крошечные существа, очаровательные и совершенные, общающиеся напрямую мыслями. Вас интересует страх? Могу дать вам содрогающую реальность. Боль? Муки? Любые чувства? Назовите одно, несколько, все вместе. Я сформирую реальность, превосходящую даже те гигантские концепции, что являются неотъемлемо вашими.

— Нет, — ответил, наконец, Брафф. — Чувства лишь чувства, со временем они надоедают. Вы не сможете удовлетворить воображение, что вспенивает мир все в новых формах и вкусах.

— Тогда могу предложить вам миры со сверхизмерениями, которые ошеломят ваше воображение. Я знаю систему, что будет вечно развлекать вас своим несоответствием… Там, если вы печалитесь, то чешете ухо или его эквивалент, если влюбляетесь, то пьете фруктовый напиток, а если умираете, то разражаетесь хохотом… Я видел измерение, где человек может наверняка совершить невозможное, где остряки ежедневно состязаются в составлении живых парадоксов и где подвиг превращается в так называемую «косность». Хотите испробовать эмоции в классическом исполнении? Я могу доставить вас в

мир n-измерений, где вы можете испытать интригующие нюансы двадцати семи основных эмоций — записанных, конечно — и дойти до их комбинаций и скрещиваний. Математически это выглядит так: 27x10 в 27 степени. Представляете, какое вы получите наслаждение?

— Нет, — нетерпеливо сказал Брафф. — Ясно, мой друг, что вы не понимаете личности человека. Личность не детская штучка, чтобы развлекать ее игрушками, однако, в ней есть что-то детское, раз она стремится к недостижимому.

— Ваши взгляды настолько животные, что это даже не смешно, мистер Брафф. Нужно сказать, что человек — единственное смеющееся животное на Земле. Уберите юмор и останется только животное. У вас нет чувства юмора, мистер Брафф.

— Личность, — с жаром продолжал Брафф, — желает только того, чего нельзя надеяться достичь. То, чем можно завладеть, не является желаемым. Вы можете предложить мне действительность, в которой я буду обладать вещью, кою желаю, потому что не могу обладать ей, и чтобы это обладание не нарушило ограничение моего желания? Можете вы сделать это?

— Боюсь, — с легким замешательством ответил

голос, — что доводы вашего воображения слишком хитры для меня.

— А, — пробормотал Брафф самому себе, — этого-то я и боялся. И почему мироздание, казалось, избежавшее второсортных личностей, и вполовину так не умно, как я? К чему эта посредственность?

— Вы хотите достигнуть недостижимого, — благоразумным тоном заметил голос, — и одновременно не хотите достигнуть его. Противоречие кроется внутри вас. Вы хотите измениться?

— Нет… Нет, не измениться, — покачал головой Брафф. Он постоял, глубоко задумавшись, потом вздохнул и затоптал сигарету. — Есть только одно решение моей проблемы.

— Какое?

— Подчистка. Если вы не можете удовлетворить мое желание, то должны хотя бы оправдаться. Если человек не может найти любовь, он пишет психологический трактат о страсти.

Он пожал плечами и двинулся к огненной завесе. Позади него раздался смешок и голос спросил:

— К чему вас толкает эта личность, а, человек?

— К правде вещей, — отозвался Брафф. — Если я не могу уменьшить свою тоску, то хочу, по крайней мере, узнать, почему я тоскую.

— Вы отыщите истину только в аду, мистер Брафф.

— Как так?

— Потому что истина — это всегда ад.

— И, несомненно, ад есть истина. Тем не менее, я иду туда, в ад или куда угодно, где можно найти истину.

— Может, ты найдешь приятные ответы, о, человек!

— Благодарю вас.

— И может, ты научишься смеяться.

Но Брафф ничего больше не услышал, так как прошел завесу.

Он очутился перед высокой конторкой чуть ли не с него ростом. Не было больше ничего. Густейший туман стоял вокруг, скрывая все, кроме этой конторки. Брафф вздохнул и поглядел вверх. Из-за конторки на него смотрело крошечное личико, древнее, как орех, усатое и косоглазое. Мелко тряслась маленькая голова, покрытая островерхой шляпой. Как колдовской колпак.

Или дурацкий колпак, подумал Брафф.

Позади головы он смутно различил полки с книгами и регистрационными ярлыками: А — АВ, АС — АД и так далее. Еще был там мерцающий черный флакон чернил и подставка с перьевыми

ручками. Картину завершали громадные песочные часы. Внутри них была паутина, по которой бегал паук.

— Из-зумительно! Пор-разительно! Нев-вероятно! — прокаркал человечек.

Брафф почувствовал раздражение.

Человечек склонился, как Квазимодо, и приблизил свое клоунское личико к Браффу. Он протянул узловатый палец и осторожно ткнул им Браффа. Он был поражен. Выпрямившись, он провыл:

— Сам-муз! Да-гон! Рим-мон!

Послышалась невидимая возня, из-за конторки выпрыгнули еще три человечка и уставились на Браффа. Осмотр длился несколько минут. Раздражение Браффа росло.

— Ладно, — сказал он, — достаточно. Скажите хоть что-нибудь. Сделайте хоть что-нибудь.

— Оно говорит! — недоверчиво воскликнули все трое. — Оно живое! — Они прижались друг к другу носами и быстро забормотали: — Самое-изумительное Дагон-он-говорит-Риммон-может-быть-живой-человек-Должна-быть-какая-то причина-для-того-Саммуз-если-ты-так-думаешь-но-я-немогу-назвать-ее.

Затем они замолчали.

Снова поглядели на него.

— Узнаем, как оно попало сюда, — сказал один.

— Нет, узнаем, что это. Животное? Растение? Минерал?

— Узнаем, откуда оно, — сказал третий.

— Нужно поосторожнее с незнакомцами, знаете ли.

— Почему? Мы же абсолютно неуязвимы.

— Ты так думаешь? А как насчет визита ангела Азраэля?

— Ты имеешь в виду ан…

— Молчи! Молчи!

Свирепый спор прервался, когда Брафф нетерпеливо постучал носком ботинка. Очевидно, они пришли к решению. Номер первый колдовски нацелил обвиняющий палец на Браффа и спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Сначала скажите, где я, — огрызнулся Брафф.

Человечек повернулся к братьям Саммузу, Дагону и Риммону.

— Оно хочет знать, где оно, — ухмыльнулся он.

— Ну, и скажи ему, Белиал.

— Продолжай, Белиал. Так можно торчать тут вечность.

— Слушайте, вы! — повернулся Белиал к Браф-

фу. — Это Центральная Администрация, Центр Управления Вселенной. Белиал, Риммон, Дагон и Саммуз — управляющие, действующие от имени Его Верховенства.

— Это Сатана?

— Не фамильярничайте.

— Я пришел сюда встретиться с Сатаной.

— Он хочет встретиться с лордом Люцифером! — ужаснулись они. Затем Дагон подтолкнул остальных острыми локотками и с проницательным видом приложил палец к носу.

— Шпион! — произнес он и для ясности указал наверх.

— Молчи, Дагон! Молчи!

— Нужно узнать, что происходит, — сказал Белиал, листая страницы гигантского гроссбуха. — Он определенно не принадлежит здешним местам. Он не доставлен по расписанию на… — Он перевернул песочные часы, приведя в ярость паука. — …на шесть часов. Он не мертвый, потому что не воняет. Он не живой, потому что призывают только мертвых. Вопрос: что он и что нам делать с ним?

— Гадание. Совершенно безошибочное гадание, — подсказал Саммуз.

— Ты прав, Саммуз.

— Великий ум у этого Саммуза!

Белиал перевел взгляд на Браффа.

— Имя?

— Кристиан Брафф.

— Он сказал имя! Он сказал!

— Давайте попробуем Нумерологию, — сказал Дагон. — К — одиннадцатая буква, Р — семнадцатая, И — десятая и так далее. Правильно, Белиал, пишется так же, как говорится. Возьмем общую сумму. Удвоим и прибавим десять. Разделим на два с половиной, затем вычтем оригинал…

Они считали, прибавляли, делили и вычитали. Царапали перьями по пергаменту, сопели носами. Наконец, Белиал взял свои записи и недоверчиво уставился в них. Все тоже бросились их рассматривать. Потом, как один, они пожали плечами и порвали расчеты.

— Ничего не понимаю, — пожаловался Риммон. — Мы же всегда получали пять…

— Ерунда! — Белиал вперил в Браффа суровый взгляд. — Слушай, ты! Когда родился?

— Восемнадцатого декабря девятьсот тринадцатого года.

— Время?

— Одиннадцать пятнадцать утра.

— Звездные карты! — рявкнул Саммуз. — Астро-

логия никогда не ошибается!

Брафф вздрогнул от поднявшихся облаков пыли, когда они начали рыться на полках, вытащили громадные пергаментные листы, которые в развернутом виде были с оконные занавески. На сей раз прошло пятнадцать минут, прежде чем они вычислили результаты, которые снова тщательно проверили и порвали.

— Странно, — сказал Риммон.

— И почему они всегда рождаются под Знаком Дельфина? — задумчиво произнес Дагон.

— Может, это дельфин? Это объяснило бы все.

— Лучше возьмем его в лабораторию на исследования. Он же сам будет жаловаться, если мы оплошаем.

Они нависли над кафедрой и приглашающе закивали. Брафф фыркнул и повиновался. Он обошел кафедру и оказался перед маленькой дверью, обрамленной книгами. Четыре коротышки Администраторы Центра столпились вокруг него. Он был намного выше, они едва достигали ему пояса.

Брафф вошел в адскую лабораторию. Это было круглое помещение с низким потолком, кафельными стенами и полом, со шкафами и полками, уставленными стеклянными изделиями, алхи-

мическими атрибутами, книгами, костями и бутылками без единого ярлыка. Посредине лежал большой плоский жернов. Отверстие для оси выглядело обожженным, но над ним не было никакого дымохода.

Белиал полез в угол, выбросил оттуда зонтики, железные клейма и подобный хлам, потом вылез с полными руками сухих поленьев.

— Огненный алтарь, — сказал он и споткнулся. Поленья разлетелись. Брафф наклонился, чтобы помочь ему собрать дрова.

— Гадание! — пронзительно выкрикнул Риммон, вытащил из коробки сверкающую ящерицу и начал черкать на ее спине куском древесного угля, записывая порядок, в каком Брафф подбирал поленья для огненного алтаря.

— Где у нас восток? — спросил Риммон, ползая за ящерицей, которая была склонна удалиться по своим делам. Саммуз указал вниз. Риммон коротко кивнул в знак благодарности и начал производить сложные вычисления на спине ящерицы. Постепенно рука его двигалась все медленнее. К тому времени, как Брафф сложил дрова на алтарь, Риммон держал ящерицу за хвост, проверяя свои записи. Наконец, он встал и запихал ящерицу под поленья. Их тут же охва-

тило пламя.

— Саламандра, — сказал Риммон. — Неплохо, а?

Дагон воодушевился.

— Пирология! — Он подбежал к огню, сунул нос чуть ли не в самое пламя и запел: — Алеф, бет, гиммел, далес, он, вау, зайин, чес…

Белиал нервно заерзал и пробормотал Саммузу:

— Когда он проделывал это в прошлый раз, то заснул.

— Это еврейский, — ответил Саммуз, словно это все объясняло.

Песнопение постепенно замерло и Дагон, с плотно закрытыми глазами, скользнул в самый огонь.

— Ну вот, опять! — воскликнул Белиал.

Они вытащили Дагона из огня, похлопали по лицу, чтобы погасить усы. Саммуз втянул носом запах паленых волос, затем указал на плавающий над головами дым.

— Дымология, — сказал он. — Она не подведет. Мы узнаем, что он такое.

Все четверо взялись за руки и запрыгали вокруг облака дыма, раздувая его, вытянув губы трубочками. Постепенно дым исчез. Саммуз выглядел

угрюмым.

— Она все-таки подвела, — пробормотал он.

— Только потому, что он не присоединился.

Они сердито уставились на Браффа.

— Ты! Обманщик!

— Вовсе нет, — ответил Брафф. — Я ничего не скрываю. Конечно, я не верю в практические результаты того, что здесь происходило, но это неважно. Я располагаю всем временем в мире.

— Неважно? Ты хочешь сказать, что не веришь?..

— Ну, никто не заставит меня поверить, что такие клоуны имеют что-то общее с истиной… Тем более с Его Верховенством Сатаной.

— Слушай, осел, мы и есть Сатана! — Затем они понизили голоса и добавили явно для невидимых ушей: — Так сказать… без обиды… временно исполняющие обязанности… — К ним вернулось негодование. — Но мы в силах понять тебя. Мы тебя раскусим. Мы сорвем завесу, разрушим печать, стащим с тебя маску, проделаем все известные гадания… Принесите железо!

Дагон загремел тачкой, наполненной кусками железа, грубо напоминающими по форме рыбу.

— Это гадание никогда не подводит, — сказал он Браффу. — Возьми карпа… любого.

Брафф взял наугад железную рыбу. Дагон раздраженно выхватил ее и сунул в крошечный тигель. Тигель он поставил на огонь, и Саммуз звонил в колокольчик, пока железо не раскалилось добела.

— Это не может подвести, — пыхтел Дагон. — Феррология никогда еще не подводила…

Брафф не знал, чего ждали все четверо. Наконец, они разочарованно вздохнули.

— Подвела? — с усмешкой спросил Брафф.

— Давайте попробуем Плюмбологию, — предложил Белиал.

Остальные кивнули и бросили раскаленное железо в горшок со свинцом. Железо зашипело и задымилось, словно его бросили в воду. Свинец расплавился. Белиал поднял горшок и стал лить серебристую жидкость на пол. Брафф отскочил, уберегая ноги от брызг.

— Ми-ми-ми-и-и-и… — запел Белиал, но не успел начать свое заклинание, как раздался треск, словно пистолетный выстрел. Одна из кафельных плиток пола раскололась. Расплавленный свиней с шипением исчез, а из дыры внезапно забил фонтан воды.

— Опять прохудились трубы, — проворчал Белиал.

— Феноменально! — завопил Дагон, с благоговейным видом подошел к фонтану, опустился на колени и зажужжал: — Алиф, ба, та, за, джим, ха, ка, дал… — Через тридцать секунд глаза его закрылись и он упал в воду.

— Это арабский, — объяснил Саммуз. — Давайте просушим его, иначе он поймает насморк.

Саммуз и Белиал подхватили Дагона под руки и подтащили к огненному алтарю. Они несколько раз провели его вокруг и были готовы остановиться, когда Дагон внезапно произнес:

— Не останавливайте меня. Гирология…

— Но ты перебрал все алфавиты, — возразил Саммуз.

— Нет, остался еще греческий. Кружитесь, кружитесь… Альфа, бета, гамма, дельта… Ой!

— Нет, следующий эпсилон, — подсказал Саммуз и тут же воскликнул: Ой!

Брафф повернулся посмотреть, от чего они ойкают.

В лабораторию входила девушка. Она была невысокая, рыжеволосая и восхитительно стройная. Рыжие волосы были завязаны сзади греческим узлом. Она несла на лице выразительное раздражение, ярость — и ничего, кроме…

— Ой! — пробормотал Брафф.

— Вот! — выкрикнула она. — Опять! Сколько раз... — Голос ее прервался, она подбежала к стене, схватила громадную стеклянную реторту и метко запустила ее в коротышек.

— Сколько раз я буду повторять, — сказала она, когда реторта разлетелась, — чтобы вы прекратили заниматься этой чепухой, не то я доложу о вас?!

Белиал, пытаясь остановить кровь из пореза на щеке, невинно улыбнулся.

— Ну, Астарта, ты же не скажешь Ему, верно?

— Я не буду молчать, раз вы уничтожаете мой потолок и льете черт знает что в мои апартаменты! Сначала расплавленный свинец, потом вода!.. Пропали четыре недели работы! Уничтожен мой мератоновый стол! — Она изогнулась и продемонстрировала красный рубец, тянущийся по спине от плеча. — Уничтожено двадцать дюймов кожи!

— Мы оплатим ремонт, Астарта!

— А кто оплатит боль?

— Лучше всего таниновая кислота, — серьезно посоветовал Брафф. Заварите очень крепкий чай и сделайте примочку. Хорошо снимает боль.

Рыжая головка повернулась, Астарта уставилась на Браффа бесподобными зелеными

глазами.

— Кто это?

— М-мы не знаем, — заикаясь, произнес Белиал. — Он только что появился здесь и… Поэтому мы… Может быть, это дельфин…

Брафф шагнул вперед и взял девушку за руку.

— Я человек. Живой. Послан сюда одним из ваших коллег… не знаю его имени. Меня зовут Брафф, Кристиан Брафф.

Ее рука была холодная и твердая.

— Это, должно быть… Неважно. Меня зовут Астарта. Я тоже христианка.

— В команде Сатаны христиане? — удивился Брафф.

— Некоторые. Почему бы и нет? Мы все были до Падения…

Ответить на это было нечего.

— Здесь есть какое-нибудь место, куда мы могли бы уйти от этих недотеп? — спросил Брафф.

— Есть мои апартаменты.

— Обожаю апартаменты!

Он, также, уже обожал Астарту, более, чем обожал. Она привела его в свою квартиру этажом ниже, очень большую, очень впечатляющую, смела со стула бумаги и предложила ему сесть. Сама же разлеглась перед обломками своего

стола и, бросив свирепый взгляд на потолок, попросила рассказать его историю. Слушала она очень внимательно.

— Необычайно, — сказала она, когда он закончил. — Ты хочешь встретиться с Сатаной, Владыкой противомира… Ну, здесь именно ад, а Он Сатана. Ты попал по назначению.

Брафф был сбит с толку.

— Ад? Инферно Данте? Огонь, раскаленные угли и тому подобное?

Астарта покачала головой.

— Это всего лишь воображение поэта. Реальные мучения — по Фрейду. Можешь обсудить это с Алигьери, когда встретишься с ним. — Она торжественно улыбнулась Браффу. — Но это приводит нас кое к чему насущному. Ты ведь не мертвый? Иногда они забывают…

Брафф кивнул.

— Гм… — Она заинтересованно поглядела на него. — На вид ты интересный. Никогда не имела дело ни с кем живым… Ты точно живой?

— Абсолютно точно.

— И что у тебя за дело к Папаше Сатане?

— Истина, — сказал Брафф. — Я хочу знать правду обо всем, и безымянное Существо послало меня сюда. Почему официальный поставщик

истины Папаша Сатана, а не… — Он замялся.

— Можешь произносить это имя, Кристиан.

— …а не Бог на Небесах, я не знаю. Но для меня истина ценна тем, что поможет развеять проклятую тоску, мучившую меня. Для этого я и хочу встретиться с Ним.

Астарта побарабанила полированными ногтями по обломкам стола и улыбнулась.

— Это, — сказала она, — просто восхитительно. — Она поднялась, открыла дверь и показала на заполненный туманом коридор. — Иди прямо, сказала она Браффу, — затем первый поворот налево. Держись стены и не промахнешься.

— Я еще увижу вас? — спросил он, вставая.

— Увидишь, — рассмеялась Астарта.

Это, подумал Брафф, осторожно продвигаясь сквозь желтую мглу, все слишком нелепо. Вы проходите огненную завесу в поисках Цитадели Истины. Вас встречают четыре абсурдных колдуна и рыжеволосая богиня. Затем вы идете заполненным туманом коридором прямо и налево для встречи с Тем, Кто Знает Все.

А как моя тоска по недостижимому? Что же это за истина, что сметет ее прочь? И ни торжественности, ни божественности, ни авторитета, который можно уважать. К чему эта низкопроб-

ная комедия, сатурналийский фарс, который является Адом?

Он свернул налево и пошел дальше. Короткий коридор закончился дверьми, обитыми зеленым сукном. Чуть ли не робко Брафф толкнул их и, к своему громадному облегчению, оказался на каменном мосту. Похоже на мост Вздохов, подумал он. Позади был огромный фасад здания, которое он только что покинул. Стена из каменных блоков тянулась вправо и влево, вверх и вниз, насколько хватало глаз. А впереди было маленькое строение, формой напоминающее шар.

Он быстро прошел по мосту. От окружающего тумана его уже стало подташнивать. Он на секунду остановился, чтобы набраться смелости перед вторыми затянутыми сукном дверями, затем попытался принять веселый вид и толкнул их. Лучше уж предстать перед Сатаной беспечным, сказал он себе, поскольку достоинство в Аду безумно.

Гигантское помещение, нечто вроде картотеки. И снова Брафф испытал облегчение, что пугающая встреча немного откладывается. Помещение было круглым, как планетарий, и загроможденным огромной странной машиной, такой большой, что Брафф не мог поверить своим гла-

зам. Перед ее клавиатурой высилось пять этажей лесов, по которым сновал маленький сухонький клерк в очках-бинокулярах, молниеносно нажимавший на клавиши.

Больше в качестве оправдания перед собой за оттягивание встречи с Папашей Сатаной, Брафф остановился понаблюдать за сопящим клерком, суетящимся у своих клавиш, нажимающим их так быстро, что они трещали, как сотня лодочных моторов. Этот маленький старикашка, подумал Брафф, трудится над подсчетами суммы грехов, смертей и всякой такой статистики. Он и сам выглядит суммой самого себя.

— Эй, там! — сказал Брафф вслух.

— Что? — без запинки ответил клерк. Голос у него был еще суше, чем кожа.

— Не могут ли ваши подсчеты подождать секунду?

— Простите, не могут.

— Остановитесь на минутку! — заорал Брафф. — Я хочу видеть вашего босса!

Клерк замер и обернулся, поправляя бинокулярные очки.

— Благодарю вас, — сказал Брафф. — Теперь послушайте. Я хочу видеть Его Черное Величество Папашу Сатану. Астарта сказала…

— Это я, — произнес старичок.

У Браффа сперло дыхание.

На неуловимое мгновение по лицу старичка скользнула улыбка.

— Да, это я, сын мой. Я Сатана.

И вопреки всему своему живому воображению, Брафф поверил. Он опустился на ступени, ведущие к лесам. Сатана тихонько хихикнул и тронул сцепление странной гигантской машины. Загудели дополнительные механизмы и клавиши машины с тихим кудахтаньем защелкали автоматически.

Его Дьявольское Величество спустился по лестнице и сел рядом с Браффом. Он достал излохмаченный шелковый платок и стал протирать очки. Он был всего лишь приятным старичком, дружелюбно сидящим рядом с незнакомцем, готовый болтать с ним о чем угодно.

— Что у тебя за дело, сын мой? — спросил он, наконец.

— Н-ну, Ваше Высочество, — начал Брафф.

— Можешь звать меня Отче, мой мальчик.

— Но почему? Я имею в виду… — Брафф в замешательстве замолчал.

— Я полагаю, тебя немного беспокоят эти небесно-адские дела, да?

Брафф кивнул.

Сатана вздохнул и покачал головой.

— Не знаю, что с этим и делать, — сказал он. — Фактически, сын мой, это одно и то же. Естественно, я поддерживаю впечатление, что есть два разных места, чтобы сохранять у людей определенные иллюзии. Но истина в том, что это не так. Я являюсь всем, сын мой: Бог и Сатана, или Официальный Координатор, или Природа — называй, как хочешь.

С нахлынувшим добрым чувством к этому дружелюбному старичку, Брафф сказал:

— Я бы назвал вас прекрасным старым человеком. Я был бы счастлив называть вас Отче.

— Очень приятно, сын мой. Рад, что вы чувствуете это. Вы, конечно, понимаете, что мы никому не можем позволить увидеть меня таким. Может возникнуть неуважение. Но с вами другое дело. Особое.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

— Бог должен быть эффективным. Бог должен вселять в людей испуг, понимаешь? Бога должны уважать. Нельзя вести дела без уважения.

— Понимаю, сэр.

— Бог должен быть эффективным. Нельзя же жить всю жизнь, все долгие дни, все долгие годы,

всю долгую вечность без эффективности. Но эффективности не бывает без уважения.

— Совершенно верно, сэр, — сказал Брафф, но в нем росла отвратительная неопределенность. Это был приятный, но очень болтливый, несвязно бормочущий старичок. Его Сатанинское Величество был скучным созданием, совсем не таким умным, как Кристиан Брафф.

— Я всегда говорю, — продолжал старичок, задумчиво потирая колено, что любовь, поклонение и все такое… всегда можно получить их. Они прекрасны, но в ответ я всегда должен быть эффективным… Ну, а теперь, сын мой, что у тебя за дело?

Посредственность, с горечью подумал Брафф. Вслух он сказал:

— Истина, Отче Сатана. Я ищу истину.

— И что ты собираешься делать с истиной, Кристиан?

— Я только хочу знать ее, Отче Сатана. Я ищу ее. Я хочу знать, почему мы есть, почему мы живем, почему мучаемся. Я хочу знать все это.

— Ну, тогда, — хихикнул старичок, — ты на правильном пути, сын мой. Да, сэр, на совершенно правильном пути.

— Вы можете сказать мне, Отче Сатана?

— Минутку, Кристиан, минутку. Что ты хочешь знать в первую очередь?

— Что внутри нас заставляет искать недостижимое? Что это за силы, которые влекут и не дают нам покоя? Что у меня за личность, которая не дает мне отдыха, которая точит меня сомнениями, а когда решение найдено, начинает терзать по-новой? Что все это?

— Вот, — сказал Сатана, показывая на свою странную машину, — вот эта штуковина. Она работает всегда.

— Вот эта?

— Ага.

— Всегда работает?

— Пока работаю я, а я работаю непрестанно. — Старичок снова хихикнул, затем протянул бинокуляр. — Ты необычный мальчик, Кристиан. Ты нанес визит Папаше Сатане… живым. Я окажу тебе любезность. Держи.

Удивленный Брафф принял бинокуляр.

— Надень, — сказал старичок, — и увидишь сам.

И затем удивление смешалось. Когда Брафф надел очки, он оказался глядящим глазами вселенной на всю вселенную. Странное устройство больше не было машиной для подсчета общей

суммы со сложениями и вычитаниями. Это был огромный комплекс поперечин для марионеток, к которым тянулись бесчисленные, сверкающие серебром нити.

И всевидящими глазами через очки Папаши Сатаны Брафф увидел, что каждая нить тянется к загривку существа, и каждое живое существо пляшет танец жизни по приказу машины Сатаны. Брафф взобрался на первый этаж лесов и нагнулся к самому нижнему ряду клавиш. Он нажал одну наугад, и на бледной планете кто-то оголодал и убил. Нажал вторую — и убийца почувствовал раскаяние. Третью — и убийца забыл о содеянном. Четвертую — и половина континента исчезла, потому что кто-то проснулся на пять минут раньше и потянулась цепочка событий, что аккумулировались в открытие и отвратительное наказание для убийцы.

Брафф отшатнулся от странной машины и сдвинул очки на лоб. Машина продолжала кудахтать. Почти рассеянно, без удивления, Брафф заметил, что огромный хронометр, висящий на вершине купола, отсчитал три месяца.

Это, подумал Брафф, призрачный ответ, жестокий ответ, и Существо в убежище было право. Истина — это ад. Мы марионетки. Мы немно-

гим лучше, чем мертвые куклы на ниточках, притворяющиеся живыми. Наверху старичок, приятный, но не очень-то умный, нажимает клавиши, а внизу мы называем это свободой воли, судьбой, кармой, эволюцией, природой — тысячами фальшивых названий. Это грустное открытие. Почему истина должна быть такой дрянной?

Он глянул вниз. Старый Папаша Сатана все еще сидел на ступеньках, голова его слегка склонилась на бок, глаза были полузакрыты и он тихонько бормотал о работе и отдыхе, которого всегда недостаточно.

— Отче Сатана…

Старичок слегка вздрогнул.

— Да, мой мальчик?

— Это правда? Все мы пляшем по нажатию ваших клавиш?

— Все, мой мальчик, все… — Он сделал долгий зевок. — Все вы думаете, что свободны, Кристиан, но все танцуете под мою игру.

— Тогда, Отче, скажите мне одну вещь… совсем маленькую штуку. В одном уголке вашей небесной империи, на крошечной планете, незаметной точке, которую мы называем Землей…

— Земля?.. Земля?.. Не припомню так сразу, но могу поискать…

— Нет, не утруждайтесь, сэр. Она есть. Я знаю это, потому что пришел оттуда. Окажите мне любезность: порвите нити, что тянутся к ней. Дайте Земле свободу.

— Ты добрый мальчик, Кристиан, но глупый. Ты должен бы знать, что я не могу этого сделать.

— Во всем вашем царствии, — умолял Брафф, — столько душ, что и счесть невозможно. У вас столько солнц и планет, что ничем не измерить. Наверняка, одна крошечная пылинка… для вас, владеющего столь многим, не играет роли…

— Нет, мой мальчик, это невозможно. Извини уж.

— Вы, единственный знающий свободу… Неужели вы откажете в ней немногим другим?

Но Управляющий Всем задремал.

Брафф снова надвинул очки на глаза. Тогда пусть он спит, пока Брафф врио Сатаны — работает. О, мы отплатим за это разочарование. У нас будет головокружительная возможность писать романы во плоти и крови. И возможно, если мы сумеем найти нить, тянущуюся к моей шее, и отыскать нужную клавишу, мы сумеем что-нибудь сделать, чтобы освободить Кристиана Браффа. Да, это вызов недостижимому, которое может быть достигнуто и ведет к новому вызову.

Он быстро оглянулся через плечо посмотреть, не проснулся ли Папаша Сатана. Нет, спит. Брафф замер, пригвожденный к месту, пока глаза его изучали сложное Управление Всем. Его взгляд метался вверх, вниз и снова вверх. И вдруг затряслись пальцы, затем руки, потом все тело забила неуправляемая дрожь. Впервые в жизни он засмеялся. Это был гениальный смех, не тот смех, который он часто подделывал в прошлом. Взрывы хохота неслись под куполом помещения и многократным эхом отражались от него.

Папаша Сатана вздрогнул, проснулся и закричал:

— Кристиан! Что с тобой, мой мальчик?

Смех от крушения планов? Смех облегчения? Адский смех? Брафф не мог выдавить ни слова, так был потрясен видом серебряной нити, ведущей к загривку Сатаны и превращающей его тоже в марионетку… Нити, что тянулась, тянулась и тянулась на громадную высоту к другой, еще более огромной машине, управляемой другой, еще более огромной марионеткой, скрытой в неизвестных просторах космоса…

Да будь благословен неизвестный космос!

5

«В начале всего была тьма. Не было ни земли, ни моря, ни неба, ни кружащихся звезд. Было ничто. Затем пришел Ялдаваоф и оторвал свет от тьмы. И тьму Он собрал и превратил в ночь и небеса. И свет Он собрал и превратил в солнце и звезды. Затем из плоти Своей плоти и из крови Своей крови создал Ялдаваоф Землю и всех существ на ней.

Но дети Ялдаваофа были новые, зеленые для жизни и необученные, и раса не рожала плоды. И когда дети Ялдаваофа уменьшились в численности, закричали они Господу своему: „Удели нам взгляд, Великий Боже, чтобы узнали мы, как плодиться и размножаться! Удели нам внимание, Господи, чтобы Твоя добрая и могучая раса не погибла на земле Твоей!“

И так стало! Ялдаваоф отвратил лик Свой от назойливых людей и были они раздраженные в сердце и, грешные, думали, что Господь их оставил их. И стали пути их путями зла, пока не пришел провозвестник, чье имя Маарт. И собрал Маарт детей Ялдаваофа вокруг себя и сказал им

так: „Зло твой путь, о народ Ялдаваофа, несомненно, Бога твоего. Для того ли явил Он тебе знамение?“

И сказали они тогда: „Где это знамение?“

И пошел Маарт на высокую гору, и было с ним великое число людей. Девять дней и девять ночей шли они на вершину горы Синар. И у гребня горы Синар было им знамение, и упали они на колени, крича: „Великий Боже! Велики слова Твои!“

И так стало! И воспылала пред ними огненная завеса. КНИГА МААРТА; X111: 29–37».

Через завесу к реальности? Нет смысла пытаться собраться с мыслями. Я не могу, это так мучительно для меня — собраться с мыслями. Разве я могу, когда я ничего не чувствую, когда ничего не трогает меня — взять то или это, выпить кофе или чай, купить черное платье или серебристое, жениться на лорде Бакли или сожительствовать с Фредди Визертоном. Позволить Финчли заниматься со мной любовью или прервать с ним отношения. Нет… бессмысленно и пробовать.

Как сияет завеса в дверном проеме! Точно радуга. Вот идет Сидра. Прошла через нее, словно там ничего нет. Кажется, без всякого вреда. Это хорошо. Бог знает, я могу вытерпеть все, что

угодно, кроме боли. Никого не осталось, кроме Боба и меня… И он, вроде бы, не торопится. Нет, еще Крис прячется в органной нише. Полагаю, теперь мой черед. Что бы там ни было, но я не могу стоять здесь вечно… Где?

Нигде.

Да, точно, нигде.

В моем мире не было места для меня, именно для меня. Мир ничего не хотел от меня, кроме моей красоты, а что внутри — им плевать. Я хочу быть полезной. Я хочу принадлежать. Возможно, если я буду принадлежать… если в жизни окажется для меня цель, растает лед в моем сердце. Я могу столько узнать, почувствовать, стольким могу насладиться. Даже научиться влюбляться.

Да, я иду в никуда.

Пусть будет новая реальность, что нуждается во мне, хочет меня, может меня использовать… Пусть эта реальность сама примет решение и призовет меня к себе. Если я начну выбирать, то знаю, что выберу опять не то. А вдруг я не нуждаюсь ни в чем и, пройдя через горящую завесу, буду вечно в черной пустоте космоса?.. Уж лучше пусть выберут меня. Что я еще могу сделать?

Возьмите меня, кто хочет и нуждается во мне!

Как холодна завеса… как брызги холодной воды

на коже…

«И пока люди молились на коленях, громко закричал Маарт: „Встаньте, дети Ялдаваофа, встаньте и смотрите!“

И встали они, и замерли, и тряслись. И вышло из огненной завесы чудище, чей вид заледенил сердца всех. Высотой в восемь кубитов, шло оно вперед, и кожа его была белой и розовой. И волосы на его голове были желтыми, а тело длинным и искривленным, как больное дерево. И все оно было покрыто свободными складками белого меха.

КНИГА МААРТА; X111: 38–39».

Боже милостивый!

Неужели это та реальность, что призвала меня? Та реальность, что нуждается во мне?

Это солнце… так высоко… с бело-голубым злобным глазом… как у этого итальянского артиста… как его?.. Высокие горы. Они выглядят кучами грязи и отбросов… Долины внизу — как гноящиеся раны… Ужасная вонь. Кругом гнилье и развалины.

А существа, толпящиеся вокруг… Словно обезьяны, сделанные из угля. Не животные. Не люди. Словно человек сделал животное не слишком хорошо… Или животное сделало людей еще ху-

же. У них знакомый вид. Пейзаж тоже выглядит знакомым. Где-то я уже видела это. Когда-то я уже была здесь. Может быть, в грезах о смерти?.. Возможно.

Это реальность смерти, и она хочет меня? Нуждается во мне?

«И снова толпа закричала: „Славен будь Ялдаваоф!“ И при звуках святого имени чудище повернулось к огненной завесе. Но завеса исчезла!

КНИГА МААРТА; X111: 40».

Не уйти?

Отсюда нет пути?

Не вернуться к здравомыслию?

Но завеса была позади меня секунду назад. Не убежать. Слушать звуки, которые они издают — визг свиней. Неужели они думают, что поклоняются мне? Нет, это не может быть реальностью! Нет такой ужасной реальности. Призрачное видение… как то, что мы разыграли перед леди Саттон. Я нахожусь в убежище. Роберт Пил разработал хитрый трюк, чем-то опоил нас… тайком. Я лежу на диване, вижу галлюцинации и страдаю. Скоро я очнусь. Или преданный Диг разбудит меня… прежде чем подойдут эти страшилища.

Я должна очнуться!

«С громкими криками чудище побежало через толпу. И пробежало оно мимо всех людей и понеслось вниз по склону горы. И хриплые крики его усиливали страх, и в криках этих билась гулкая медь.

И когда вбежало оно под нависшие ветви горных деревьев, дети Ялдаваофа вновь закричали в страхе, потому что чудище ужасным образом теряло белый мех свой за собой. И клочки его шкуры повисли на ветках. И чудище мчалось все быстрее, отвратительное бело-розовое предупреждение всем, забывшим Закон.

КНИГА МААРТА; X111: 41–43».

Быстрей! Быстрей! Пробежать через толпу, пока они не коснулись меня своими мерзкими лапами. Если это кошмар, бег поможет очнуться. Если это реальность… Но это не может быть реальностью! Так жестоко поступить со мной! Нет! Или боги завидуют моей красоте? Нет, боги никогда не завидуют. Они — мужчины!

Мое платье…

Вперед!

Нет времени возвращаться. Лучше бежать голой… Я слышу их вой… их дикие вопли позади. Вниз! Вниз! Быстрей вниз по склону горы. Эта гнилая земля… Воняет. Прилипает.

О, боже! Они гонятся за мной.

Они не поклоняются…

Почему я не могу очнуться?

Дыхание… режет горло, как ножом.

Приближаются… Я слышу их. Все ближе, ближе и ближе!

ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ ОЧНУТЬСЯ?

«И громко закричал Маарт: „Поймайте это чудище, посланное вам Господом Ялдаваофом!“

И тогда воспрянул народ смелостью и разогнул поясницу. С дубинками и камнями побежали все за чудищем вниз по склону горы Синар, с великим страхом, но распевая имя Господне.

И в поле резко бросили камень и уронили на колени чудище, все еще кричащее ужасным, нагоняющим страх голосом. Затем сильные воины ударили его много раз дубинками, пока крики не прекратились, и замерло чудище. И из неподвижного тела вышла ядовитая красная вода, от которой затошнило всех, кто видел ее.

И отнесли чудище в Высокий Храм Ялдаваофа, и поместили в клетку пред алтарем, и там оно снова закричало, оскверняя святые стены. И Верховные Жрецы пришли в беспокойство и сказали: „Что за дьявол предложил поместить его пред очами Ялдаваофа, Господа Бога нашего?“

КНИГА МААРТА; X111: 44–47».

Больно…

Все тело горит, как ошпаренное.

Невозможно шевельнуться.

Никакой сон не тянется так долго… Значит, это реальность. Это реальность? Реальность. А я? Тоже реальна. Чужая в реальности грязи и мучений. За что? За что? За что?!

Все мысли смешались. Путаница. Толчея.

Это мука, и где-то… в каком-то месте… я уже слышала это слово мука. Оно приятно звучит. Мучение? Нет, мука лучше. Звучит, как мадригал. Как название лодки. Как титул принца. Принц Мука. Принц Мучение? Красотка и принц…

В голове все так перепуталось. Яркий свет и оглушительные звуки, которые доходят до меня, но не имеют смысла.

В одно прекрасное время красотка мучила человека… Так говорят… Вернее, говорили.

Имя этого человека?

Принц Мучение? Нет, Финчли! Да, Дигби Финчли.

Дигби Финчли, говорят они, — говорили — любил ледяную богиню по имени Феона Дубидат.

Розовую ледяную богиню.

Где она теперь?

«И пока чудище угрожающе стенало пред алтарем, синедрион Жрецов держал совет, и сказал советник по имени Маарт: „О, Жрецы Ялдаваофа, поднимите голоса свои во славу Господа нашего, потому что Он был разгневан и отвратил от нас лик Свой. И так стало! И жертва была дана нам, дабы могли мы умилостивить Его и помириться с Ним“.

И тогда заговорил Верховный Жрец и сказал: „Как так, Маарт? Где же сказано, что это жертва для нашего Господа?“

И ответил Маарт: „Да, это чудище из огня, и Ялдаваоф послал его нам чрез огненную дыру, и оно пришло“.

И спросил Верховный Жрец: „Но прилично ли такое жертвоприношение во славу нашего Господа?“

И ответил Маарт: „Все сущее от Ялдаваофа. Следовательно, все существа прилично приносить Ему в жертву. Может быть, чрез появление этого чудища Ялдаваоф послал нам знамение, что Его народ не может исчезнуть с лика земли. Чудище должно быть пожертвовано“.

И согласился синедрион, поскольку боялись Жрецы, как бы не осталось больше детей Господа.

КНИГА МААРТА; X111: 48–54».

Вижу глупые пляски обезьян.

Они кружат, кружат и кружат.

И рычат.

Словно что-то пытаются сказать.

Словно пытаются…

Хоть бы перестало звенеть в голове. Как в те дни, когда Диг много работал, а я принимала восточные позы и находилась в них часами с минутными перерывами. Один раз закружилась голова, в ней зазвенело и я упала с возвышения. Диг подбежал ко мне с большими, полными слез глазами.

Мужчины не плачут, но я видела его слезы, потому что он любил меня, и я хотела любить его или кого-то, но тогда я в этом не нуждалась. Я не нуждалась ни в чем, кроме поисков себя. Кроме охоты за этим сокровищем… И теперь я нашла. Это мое. Теперь у меня есть нужда и боль, и глубоко внутри одиночество и тоска по Дигу, его большим печальным глазам. Хочу смотреть на него во все глаза и бояться, что исчезнут чары и танцы вокруг меня.

Танцы. Танцы. Танцы…

И стук кулаками по их грудным клеткам, и хрюканье, и снова стук.

Они зарычали, брызжа слюной, блестевшей на их клыках. И семеро с гнилыми обрывками одежды на груди промаршировали почти по-королевски, почти как люди.

Смотрю на глупые танцы обезьян.

Они кружат, кружат и кружат…

«Итак, близился великий праздник Ялдаваофа. И в этот день синедрион раздвинул широкие порталы храма и толпы детей Ялдаваофа вошли в него. И Жрецы вывели чудище из клетки и подтащили к алтарю. Четыре жреца держали члены его и разложили чудище на камне алтаря, и чудище изрыгало дьявольские, богохульные звуки.

И крикнул тогда провозвестник Маарт: „Разорвем это чудище на куски, дабы вонь смерти его ублажила ноздри Ялдаваофа!“

И четыре Жреца, крепкие и святые, наложили сильные руки на члены чудища, так что борьбу его было удивительно видеть, и свет зла на его отвратительной шкуре сковал ужасом всех.

И разжег Маарт огонь алтаря, и огромная дрожь прошла по небесному своду.

КНИГА МААРТА; X111: 55–59».

Дигби, приди ко мне!

Дигби, где бы ты ни был, приди ко мне!

Дигби, я нуждаюсь в тебе.

Это я, Феона.

Феона.

Твоя ледяная богиня.

Нет больше льда, Дигби.

Я больше не могу сохранять здравый рассудок.

Колеса крутятся все быстрее, быстрее и быстрее…

Крутятся в моей голове все быстрее, быстрее и быстрее…

Дигби, приди ко мне.

Ты мне нужен.

Принц Мучение.

Мука…

«И с ревом раскололись стены храма, и все, кто собрался там, задрожали от страха, и внутренности их стали, как вода. И все узрели божественного Господа Ялдаваофа, сошедшего со смоляно-черных небес в храм. Да, к самому алтарю!

И целую вечность глядел Господь Бог Ялдаваоф на чудище из огня, и Его жертва корчилась и сыпала проклятиями, но зло было беспомощно в крепкой хватке чистых жрецов.

КНИГА МААРТА; X111: 59–60».

Это последний ужас… последняя мука.

Чудовище, что спустилось с небес.

Ужасный обезьяно-человеко-зверь.

Это последняя шутка! Оно спустилось с небес, как существо из пуха, шелка и перьев, создание света и радости. Чудовище на крыльях света. Чудовище с искривленными руками и ногами, с отвратительным телом. Голова человеко-обезьяны, искаженная, с громадными, стеклянными, неподвижными глазами.

Глаза? Где я?..

ЭТИ ГЛАЗА!

Нет, это не безумие. Не колокольчики в голове. Нет! Я знаю эти глаза — эти громадные, печальные глаза. Я видела их раньше. Много лет назад. Много минут назад. В клетке зоопарка? Нет. У рыбы, плавающей в аквариуме? Нет. Большие, печальные глаза, наполненные беспомощной любовью и обожанием.

Нет… Пусть лучше я ошибаюсь!

Эти большие, печальные глаза, готовые заплакать.

Заплакать, но мужчины не плачут.

Нет, это не Дигби. Этого не может быть. Пожалуйста!

Вот где я видела это место, этих животных и этот адский ландшафт — на картинах Дигби. На этих чудовищных картинах, которые он рисовал. Шутки ради, говорил он, для развлечения. Хоро-

шенькое развлечение!

Но почему он выглядит так? Почему он гнилой и ужасный, как все остальные?.. Как его картины?

Это твоя реальность, Дигби? Это ты позвал меня? Ты нуждаешься во мне, хочешь меня?..

Дигби! Диг-диг-диг-кружится-кружится… колокольчик: динь-динь-динь…

Почему ты не слушаешь меня? Ты слышишь меня? Почему ты глядишь на меня, как сумасшедший, когда только минуту назад ты расхаживал взад-вперед по убежищу и первым прошел через огненную завесу, и я восхитилась тобой, потому что мужчина всегда должен быть смелым, но не мужчиной-обезьяно-животное-чудовищем…

«И голосом, потрясающим горы, заговорил Господь Ялдаваоф со Своим народом, и сказал Он: „Теперь славьте Господа, дети мои, потому что послана Королева и Супруга Богу вашему“.

И закричали люди Ему, как один человек: „Слава Господу нашему Ялдаваофу!“ И склонился Маарт пред ним и взмолился: „Дай знамение детям Твоим, Господь Бог, что могут они плодиться и размножаться“.

И протянул Господь руки к чудищу и коснулся его. И взял Он чудище из огня алтаря и из рук

чистых жрецов, и смотрел на него. И Зло кричало долго и вылетело из тела чудища, оставив вместо себя мелодичное пение. И заговорил Господь с Маартом, и сказал ему: „Я дам вам знамение“.

КНИГА МААРТА; X111: 60–63».

Дайте мне умереть.

Дайте мне умереть навсегда.

Дайте мне не видеть, не слышать и не чувствовать…

Кого?

Что?

Хорошеньких обезьянок, что танцуют и кружат, кружат, кружат так хорошо, так приятно, так добро, пока большие, печальные глаза смотрят мне в душу, и дорогой Диг-Диг держит меня на руках, так сильно изменившихся, так чудесно, приятно, добро покрытых скипидаром, может быть, или охрой, или зеленой желчью, или умброй, или сепией, или желтым хромом, какие всегда пятнали его пальцы, когда он делал шаг ко мне, а я…

Да, любовь все изменила! Как хорошо быть любимой дорогим Дигби. Как тепло и уютно любить и нуждаться, и хотеть его одного из всех миллионов, и найти его, такого прекрасного, спустившегося с небес в реальности, подобной замку Саттон, когда нельзя увидеть убежище, и я дей-

ствительно знаю, что эти утесы с хорошенькими обезьянками, прыгающими и смеющимися, и пляшущими так забавно, так забавно, так приятно, так хорошо, так чудесно, так здорово, так…

«И приняли дети Ялдаваофа знамение Господа в сердца свои. И так стало! И плодились они и размножались по примеру Господа Бога и Супруги Его в небесах.

КОНЕЦ КНИГИ МААРТА».

6

Пройдя через огненную завесу, Роберт Пил остановился в изумлении. Он еще не собрался с мыслями. Для него, человека логичного и объективного, это было удивительное переживание. Впервые за всю жизнь он не мог принять решение. Это служило доказательством, как глубоко потрясло его Существо в убежище.

Он стоял, окруженный дымкой огня, мерцающей, как опал, и бывшей гораздо плотнее любого занавеса. Она отделяла его от всего мира, и он не знал о других, прошедших через нее, здесь не было никого. Пилу она не казалась прекрасной, но была интересной. Широкая дисперсия света, заметил он, образует сотни градаций видимого спектра.

Пил попытался определить ее род. Со столь малыми имеющимися данными он решил, что стоит где-то вне времени и пространства или между измерениями. Очевидно, Существо в убежище поместило их перед матрицей существования, так что, вступив в завесу, можно двигаться в любом направлении. Завеса была, более-менее, точкой

вращения, через которую они могут пройти в любое существование в любом пространстве и времени, что снова привело Пила к вопросу об его собственном выборе.

Он размышлял и тщательно взвешивал, чем уже владел и что может теперь получить. Прикидывал, насколько был удовлетворен своей жизнью. У него было достаточно денег, респектабельная профессия инженера-консультанта, роскошный дом на Челси-сквере, привлекательная, возбуждающая жена. Отказаться от всего этого в надежде на неопределенные обещания бог знает кого было бы идиотизмом. Пил привык никогда ничего не менять без добротной и достаточно веской причины.

Я не авантюрист по природе, холодно подумал Пил. Авантюризм не по мне. Романтика не привлекает меня и, подозреваю, что я не знаю ее. Мне нравится сохранять то, что я имею. Во мне силен собственник, и я не стыжусь этого. Я хочу сохранить то, что имею. Ничего не изменять. Для меня не существует иного решения. Пусть другие гоняются за романтикой, а я сохраню свой мир таким, как он есть. Повторяю: ничего не менять!

Решение было принято им за одну минуту — необычно долгое время для инженера, но он

попал в необычную ситуацию. Он шагнул вперед, педантичный, лысый, бородатый сторонник твердой дисциплины, и оказался в подземном коридоре замка Саттон.

Прямо к нему бежала маленькая девушка-служанка в синем платье, с подносом в руках. На подносе была бутылка эля и огромный сэндвич. Услышав шаги Пила, она подняла взгляд, резко остановилась и выронила поднос.

— Какого черта? — Пил смешался при виде нее.

— М-мистер Пил! — пискнула она и вдруг закричала: — Помогите! Помогите! Убийца!

Пил похлопал ее по щекам.

— Замолчи и объясни, что ты делаешь внизу так поздно?

Девушка застонала и забрызгала слюной. Прежде чем он снова успел отхлопать по щекам это истеричное создание, на его плечо легла тяжелая рука. Он обернулся и смутился еще сильнее, когда увидел багровое, мясистое лицо полицейского. Лицо выражало нетерпение. Пил открыл было рот, но тут же утих. Он понял, что попал в водоворот неизвестных событий. Нет смысла барахтаться, пока он не определит направление течения.

— Минутку, сэр, — сказал полицейский. — Не стоит больше бить девушку, сэр.

Пил не ответил. Он нуждался в фактах. Девушка и полицейский. Что они делают здесь, внизу? Полицейский появился у него за спиной. Он прошел через завесу? Но не было больше огненной завесы, только тяжелая дверь убежища.

— Если я правильно расслышал, сэр, девушка назвала вас по имени. Не повторите ли мне его, сэр?

— Роберт Пил. Я гость леди Саттон. Что все это значит?

— Мистер Пил! — воскликнул полицейский. — Какая удача! Мне за это дадут повышение. Я беру вас под стражу, мистер Пил. Вы арестованы.

— Арестован? Вы сошли с ума, милейший. — Пил отступил и глянул через плечо полицейского. Дверь убежища была открыта достаточно широко, чтобы он мог кинуть быстрый взгляд внутрь. Пустое помещение перевернуто вверх дном и выглядело словно во время весеннего ремонта. В нем никого не было.

— Должен вас предупредить, что сопротивление бесполезно, мистер Пил…

Девушка запричитала.

— Послушайте, — сердито сказал Пил, — какое

вы имеете право врываться в частные владения и шататься тут, арестовывая всех подряд? Кто вы такой?

— Меня зовут Дженкинс, сэр. Констебль графства Саттон. И я не шатаюсь тут, сэр.

— Значит, вы серьезно?

Полицейский величественно указал на коридор.

— Пройдемте, сэр. Ведите себя спокойно.

— Ответьте же мне, идиот! Это что, настоящий арест?

— Вам лучше знать, — сказал полицейский со зловещим намеком. Пройдемте со мной, сэр.

Пил глянул на него и повиновался. Он давно понял, что когда кто-то противостоит ему в непонятной ситуации, глупо предпринимать какие-то действия, пока не появятся дополнительные сведения. Конвоируемый полицейским, он прошел по коридору, поднялся по каменным ступенькам, сопровождаемый всхлипываниями идущей за ними служанки. Пока что он знал только две вещи. Во-первых, что-то где-то случилось. Во-вторых, за дело взялась полиция. Все это, по меньшей мере, смущало, но он не терял головы. Он гордился тем, что никогда не испытывал растерянности.

Когда они вышли из подвала, Пила ожидал еще один сюрприз. Снаружи был яркий дневной свет. Он взглянул на часы. Четыре часа ночи. Он опустил руку в карман и заморгал. От неожиданного солнечного света заболели глаза. Прикосновением руки полицейский направил его в библиотеку. Пил шагнул к скользящей двери и отодвинул ее.

Библиотека была высоким, длинным, мрачным помещением с узким балкончиком, тянущимся под самым готическим потолком. Посредине стоял длинный стол, за дальним концом которого сидели три фигуры — силуэты на фоне солнечного света, бьющего из высокого окна. Пил вошел в библиотеку, бросив мимолетный взгляд на второго полицейского, стоящего на страже у двери, прищурился и попытался разглядеть лица сидящих.

Разглядывая их, он услышал восклицания, и удивление его возросло еще больше. Вот что он понял. Во-первых, эти люди искали его. Во-вторых, он потерял какое-то время. В-третьих, никто не ожидал найти его в замке Саттон. Примечание: как ему удалось вернуться? Все это он уловил из удивленных голосов. Затем его глаза привыкли к свету.

Одним из троих был угловатый человек с уз-

кой седой головой и морщинистым лицом. Он показался Пилу знакомым. Вторым был маленький крепыш с нелепыми хрупкими очками на бульбообразном носу. Третьей была женщина, и снова Пил удивился, увидев, что это его жена. Сидра была в шотландке и темно-красной фетровой шляпке.

Угловатый человек успокоил остальных и сказал:

— Мистер Пил?

Пил сохранял полное спокойствие.

— Да.

— Я инспектор Росс.

— Мне так и показалось, что я узнал вас, инспектор. Мы ведь, кажется, уже встречались?

— Да, — коротко кивнул Росс и представил коренастого толстячка: Доктор Ричардс.

— Как поживаете, доктор? — Пил повернулся к жене, кивнул и улыбнулся: — Сидра, а как ты, дорогая?

— Хорошо, Роберт, — безжизненным голосом ответила она.

— Боюсь, я немного смущен всем этим, — любезно продолжал Пил. Кажется, что-то случилось?

Достаточно. Его поведение естественно. Осторожно. Не предпринимай ничего, пока не узна-

ешь, в чем дело.

— Случилось, — сказал Росс.

— Прежде чем мы продолжим, могу я узнать, сколько сейчас времени?

Росс был захвачен врасплох.

— Два часа дня.

— Благодарю вас. — Пил поднес к уху часы, затем опустил руку. — Часы вроде идут, но я как-то потерял несколько часов. — Он украдкой изучал их лица. Руководствоваться приходилось исключительно их выражением. Потом он заметил на столе перед Россом календарь, и это было, как удар под ребра. Он с трудом сглотнул.

— Не скажете ли вы, инспектор, какое сегодня число?

— Конечно, мистер Пил. Двадцать третье, воскресенье.

Три дня, пронеслось у него в голове. Невозможно! Пил справился с потрясением. Спокойно… Спокойно… Все в порядке. Он где-то потерял три дня. Он прошел через огненную завесу с четверга на пятницу, в двенадцать тридцать восемь ночи. Да, но сохраняй хладнокровие. Здесь ставка побольше, чем потерянные три дня. Однако, почему здесь полиция? Подождем, пока не узнаем побольше.

— Мы искали вас три последних дня, мистер Пил, — сказал Росс. — Вы исчезли совершенно неожиданно. Мы очень удивились, обнаружив вас в замке.

— А? Почему? — Да, в самом деле, почему? Что случилось? Что здесь делает Сидра, почему глядит с такой мстительной яростью?

— Потому что, мистер Пил, вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве леди Саттон.

Удар! Удар! Удар! Удары следовали один за другим, и все же Пил продолжал держать себя в руках. Теперь он узнал все. Он колебался в завесе несколько минут, и эти минуты в чистилище обернулись тремя днями в реальном пространстве-времени. Леди Саттон, должно быть, нашли мертвой, и его обвинили в убийстве. Он понимал, что подходит для этой роли, как и любой другой в их компании, понимал это как логически мыслящий человек… проницательный человек… Он знал, что должен вести себя осторожно.

— Не понимаю, инспектор. Вы бы объяснили получше.

— Хорошо. О смерти леди Саттон сообщили рано утром в пятницу. Вскрытие показало, что она умерла от разрыва сердца вследствие потрясения. Свидетели происшествия сообщили,

что вы намеренно испугали ее, хорошо зная о ее слабом сердце и желая ее убить. Это убийство, мистер Пил.

— Конечно, — холодно сказал Пил, — если вы сумеете доказать это. Могу я спросить, кто ваши свидетели?

— Дигби Финчли, Кристиан Брафф, Феона Дубидат и… — Росс замолчал, прокашлялся и отложил бумагу.

— И Сидра Пил, — сухо закончил за него Пил. Он встретился глазами со злобным взглядом жены и все понял. Они потеряли голову и избрали его козлом отпущения. Сидра избавится от него. Это будет ее радостная месть. Прежде чем Росс или Ричардс успели вмешаться, он схватил Сидру за руку и потащил в угол библиотеки.

— Не волнуйтесь, Росс. Я только хочу сказать пару слов своей жене. Не будет никакого насилия, уверяю вас.

Сидра вырвала руку и взглянула на Пила. Губы ее приоткрылись, чуть обнажив острые белые зубки.

— Ты устроила это, — быстро сказал Пил.

— Не понимаю, о чем ты.

— Это была твоя идея, Сидра.

— Это было твое убийство, Роберт.

— Какие у тебя доказательства?

— У нас. Нас четверо против тебя одного.

— Все тщательно спланировано, а?

— Брафф прекрасный писатель.

— И меня повесят за убийство по твоему свидетельству. Ты получишь мой дом, мое состояние и избавишься от меня.

Она улыбнулась, как кошка.

— И это реальность, которую ты заказывала? Ты действительно планировала это, когда проходила через огненную завесу?

— Какую завесу?

— Ты знаешь, о чем я.

— Ты сошел с ума.

Она действительно в недоумении, подумал он. Конечно, я хотел, чтобы мой старый мир остался таким, каким был. Это исключает таинственное Существо в убежище и завесу, через которую мы все прошли, но не исключает убийства, которое произошло до этих таинственных событий.

— Нет, Сидра, я не сошел с ума, — сказал он. — Я просто отказываюсь быть козлом отпущения. Я хочу, чтобы ты взяла назад обвинение.

— Нет! — Она повернулась и крикнула Россу: — Он хочет, чтобы я подкупила свидетелей. — Она прошла на свое место. — Он сказал, чтобы я пред-

ложила каждому из них по десять тысяч фунтов.

Значит, будет кровавая схватка, подумал Пил. Его мозг работал быстро. Лучшая защита — нападение, и сейчас самое время.

— Она лжет, инспектор. Они все лгут. Я обвиняю Браффа, Финчли, мисс Дубидат и мою жену в сознательном, преднамеренном убийстве леди Саттон.

— Не верьте ему! — закричала Сидра. — Он пытается выкрутиться, обвинив нас. Он…

Пил не мешал ей кричать, поскольку это давало ему время оформить свои мысли. Слова должны быть убедительными, без изъяна. Правду сказать невозможно. В его новом старом мире не было ни Существа, ни завесы.

— Убийство леди Саттон было спланировано и осуществлено этими четырьмя. — Пил говорил гладко. — Я был только членом их группы и свидетелем происходящего. Согласитесь, инспектор, куда более логично, что четверо совершают преступление против воли одного, чем наоборот. Ведь показания четверых перевешивают показания одного. Вы согласны?

Росс медленно кивнул, зачарованный логичными рассуждениями Пила. Сидра ударила его по плечу и закричала:

— Он лжет, инспектор. Разве вы не видите? Почему он сбежал, если говорит правду? Спросите его, где он был три дня…

— Пожалуйста, миссис Пил, — попытался успокоить ее Росс. — Я пока лишь делаю предположения. Я еще не верю и не не верю никому. Вы хотите сказать что-нибудь еще, мистер Пил?

— Да, благодарю вас. Мы вшестером разыграли много глупых, иногда опасных шуток, но убийство перешло все границы. В ночь с четверга на пятницу эти четверо поняли, что я хочу предупредить леди Саттон. Очевидно, они подготовились к этому. Мне что-то подсыпали в вино. Смутно помню, как двое мужчин поднимают меня, несут и… Это все, что я знаю об убийстве.

Росс снова кивнул. Доктор склонился к нему и что-то прошептал.

— Да-да, — пробормотал Росс. — Обследовать можно позднее. Пожалуйста, продолжайте, мистер Пил.

Чем дальше, тем лучше, подумал Пил. Теперь навести немного глянца, и можно закругляться.

— Очнулся я в кромешной тьме. Я не слышал ни звука, ничего, кроме тиканья часов. Стены подземелья десять-пятнадцать футов толщиной, так что я и не имел возможности ничего слышать.

Когда я поднялся на ноги и ощупал все кругом, мне показалось, что я в маленьком помещении размерами… два больших шага на три.

— Примерно, шесть футов на девять, мистер Пил?

— Приблизительно. Я понял, что нахожусь, должно быть, в потайной камере, известной моим бывшим компаньонам. После того, как около часа я кричал и стучал по стенам, должно быть, я случайно нажал пружины или рычажок. Открылась секция толстой стены и я очутился в коридоре, где…

— Он лжет, лжет, лжет! — выкрикнула Сидра.

Пил игнорировал ее.

— Таково мое заявление, инспектор.

И оно надежно, подумал он. Замок Саттон известен своими потайными ходами. Его одежда запачкана и порвана конструкцией, которую он напялил на себя, появившись в качестве дьявола. Невозможно определить, принимал или нет он наркотики или снотворное три дня назад. Борода и усы исключают вопрос о бритье. Да, он мог бы гордиться такой великолепной историей. Искусственная, но перевесившая по логике показания четверых.

— Заметим, что вы отрицаете свою виновность,

мистер Пил, — медленно сказал Росс, — и также возьмем на заметку ваше заявление и обвинение. Я признаю, что обвинением против вас послужило именно ваше трехдневное исчезновение. Но теперь… — он остановился перевести дыхание, — если мы сможем найти камеру, в которой вы были заключены…

Пил уже подготовился к этому.

— Может, найдем, а может, и нет, инспектор. Я инженер, как вам известно. Единственный способ, которым мы можем обнаружить камеру, это взорвать каменные стены, что уничтожит все следы.

— Мы воспользуемся этой возможностью.

— Не стоит, — сказал вдруг толстячок доктор.

Все удивленно воскликнули. Пил метнул на него быстрый взгляд. Выражение лица предупредило его, что толстячок опаснее всех. Нервы его натянулись до предела.

— Это безупречная история, мистер Пил, — вежливо сказал толстый доктор. — Очень убедительная. Но, дорогой мой сэр, вы совершили непростительный для инженера промах.

— Думаю, вы скажете мне, на чем основываете свое утверждение?

— Несомненно. Когда вы очнулись в своей по-

тайной камере, по вашим словам, стояла полная темнота и тишина. Каменные стены такие толстые, что вы не слышали ничего, кроме тиканья часов.

— Ну да, так оно и было.

— Очень колоритная деталь, — улыбнулся доктор, — но, тем не менее, доказывающая, что вы лжете. Вы очнулись через три дня. Вам, конечно, должно быть известно, что не существует часов с заводом больше, чем на семьдесят часов.

Боже, он прав! Пил понял это мгновенно. Он совершил грубую ошибку непростительную для инженера — и нет никаких путей для отступления. Его ложь целиком основана на всей выдумке. Порвите одну нить, и вся ткань расползется. Толстяк прав, черт бы его побрал! Пил попал в ловушку.

Одного взгляда на торжествующее лицо Сидры было достаточно для него. Он решил, что примет проигрыш как можно легче. Он поднялся со стула, смехом признавая свое поражение. Пил знал, что проигрывать нужно галантно. Он метнулся мимо них, как стрела, скрестил руки перед лицом, ладонями закрыл уши и прыгнул в окно.

Звон стекла и крики позади. Пил согнул ноги, когда мягкая садовая земля понеслась к нему, и

приземлился с тяжелым подскоком. Все прошло хорошо. Он на ногах и бежит к заднему двору замка, где стоят машины. Через пять секунд он прыгнул в двухместный автомобиль Сидры. Через десять пронесся через открытые железные ворота к шоссе.

Даже в такой кризисной ситуации Пил мыслил быстро и четко. Он так стремительно выехал из парка, что никто не успел заметить, какое он выбрал направление. Он мчался в ревущем автомобиле по лондонской дороге. В Лондоне можно затеряться. Но паникером он не был. Пока его глаза следили за дорогой, мозг методично сортировал факты и без увиливаний пришел к трудному решению. Он знал, что никогда не сможет доказать свою невиновность. Каким образом? Он был так же виновен в убийстве, как и все остальные. Они указали на него, и он был обвинен, как единственный убийца леди Саттон.

В военное время невозможно покинуть страну. Невозможно даже спрятаться надолго. Значит, остается подпольная жизнь в жалких укрытиях на несколько коротких месяцев только затем, чтобы быть пойманным и приведенным в суд. Это было бы сенсацией. Но Пил не собирался позволить своей жене наслаждаться зрелищем,

как после зачтения приговора его потащат на виселицу.

По-прежнему хладнокровный, по-прежнему полностью владеющий собой, Пил строил планы, управляя машиной. Было бы дерзостью поехать прямо к себе домой. Они никак не подумают искать его там… по крайней мере, какое-то время. Достаточное время, чтобы он успел сделать то, что задумал. Вендетта, сказал он, кровь за кровь. Он ехал по Лондону к Челси-сквер дикий, бородатый человек, больше похожий теперь на пирата.

Он подъехал к дому с тыла, наблюдая за полицией. Никого поблизости не было, дом выглядел тихим и зловещим. Когда он выехал на улицу и увидел фасад своего дома, его мрачно позабавило то, что целое крыло было уничтожено бомбардировкой. Очевидно, катастрофа произошла за эти дни, так как булыжник был аккуратно собран в кучу и разрушенная сторона здания огорожена.

Так гораздо лучше, подумал Пил. Без сомнения, дом пуст, нет никаких слуг. Он остановил машину, выскочил и быстро прошел к парадной двери. Теперь, приняв решение, он действовал быстро и решительно.

В доме никого не было. Пил прошел в библиотеку, взял чернила, бумагу и ручку, сел за стол.

Красиво, с юридической аккуратностью написал завещание — он был хладнокровно уверен, что в суде найдется специалист по почеркам. Потом прошел к передней двери, выглянул на улицу, позвал двух проходящих рабочих и попросил засвидетельствовать его завещание, после чего с благодарностью заплатил им и проводил из дома. Запер за ними дверь.

Он мрачно постоял и вздохнул. Слишком много остается Сидре. Старый инстинкт собственника, понял он, ведет меня этим курсом. Я хочу сохранить свою фортуну даже после смерти. Я хочу сохранить свою честь и достоинство, несмотря на смерть. Казнь же произойдет быстро. Казнь — вот точное слово.

Пил подумал еще секунду — было слишком много путей для выбора, затем кивнул и прошел на кухню. В бельевом шкафу он набрал полные руки простыней и полотенец, и законопатил ими окна и дверь. Затем, с запоздалой мыслью, взял большую картонную коробку и написал на ней крупными буквами: «ОПАСНО! ГАЗ!» Откупорив дверь, он положил ее на пол снаружи.

Снова плотно запечатав дверь, Пил прошел к плите, открыл дверцу духовки и включил газ. Газ зашипел, вонючий и холодный. Пил опустился

на колени, сунул голову в духовку и стал глубоко дышать. Он знал, что пройдет немного времени, прежде чем он потеряет сознание. Он знал, что боли не будет.

Впервые за последние часы его оставило напряжение и он с благодарностью расслабился, ожидая смерти. Хотя он жил твердой, геометрически размеренной жизнью и шел прагматическими путями, теперь в его сознании всплыли наиболее сентиментальные моменты жизни. Он ни в чем не раскаивался. Он ни о чем не жалел. Он ничего не стыдился… И однако, он думал о том времени, когда познакомился с Сидрой, с печалью и ностальгией.

Кто эта юная, благоухавшая

Свежестью роз и, как роза, порхавшая?

Сидра…

Он улыбнулся. Он написал ей эти строки тогда, в романтическом начале, когда обожал ее, как богиню юности, красоты и доброты. Он верил, несчастный влюбленный, что она была всем, а он — ничем. Это были великие дни, дни, когда он закончил Манчестерский колледж и приехал в Лондон создавать репутацию, ловить фортуну, строить всю жизнь — длинноволосый юноша с пунктуальными привычками и обра-

зом мышления. Задремав, он прогуливался по воспоминаниям, словно глядел развлекательную пьесу.

Он оторвался от воспоминаний, вздрогнул и понял, что стоит на коленях перед духовкой уже минут двадцать. Что-то здесь не так. Он не забыл химию и знал, что за двадцать минут газ непременно лишил бы его сознания. В замешательстве он поднялся на ноги, потирая затекшие колени. Сейчас не время для анализа. Погоня может в любой момент сесть ему на шею.

Шея! Это надежный способ, почти такой же безболезненный, как газ, и более быстрый.

Пил выключил газ, закрыл духовку, взял из шкафа длинную, прочную бельевую веревку и вышел из кухни, пнув по пути коробку с предупреждающей надписью. Пока он рвал ее на куски, его встревоженный взгляд метался в поисках надлежащего места. Да, здесь, на лестнице. Он может привязать веревку к балке и встать на карниз над ступеньками. Когда он прыгнет, будет футов десять до земли.

Он вбежал по ступенькам, сел верхом на перила и перекинул веревку через балку. Поймал свободный конец, обернувшийся вокруг балки. Один конец веревки он привязал к перилам, на

другом сделал широкую петлю и навалился на веревку всем весом, проверяя ее на прочность. Несомненно, она выдержит его вес, нет никаких шансов за то, что она порвется.

Взобравшись на карниз, он надел петлю и затянул узел под правым ухом. Веревка имела достаточный запас, чтобы дать ему пролететь футов шесть. Весил он сто пятьдесят фунтов. Этого вполне достаточно, чтобы быстро и безболезненно затянуть в конце падения узел. Пил замер, сделал глубокий вдох и, не побеспокоившись помолиться, прыгнул.

Уже в воздухе он подумал, что легко сосчитать, сколько ему остается жить. Тридцать два фута в секунду, поделенные на шесть, дают ему почти пять… Сильный рывок потряс его, в ушах громом прозвучал треск, агонизирующая боль пронеслась по всему телу. Он задергался в конвульсиях…

Затем он понял, что все еще жив. Он в ужасе болтался, подвешенный за шею, понимая, что не умер неизвестно почему. Ужас бегал по коже невидимыми мурашками, он долго висел и дергался, отказываясь поверить, что случилось невозможное. Он извивался, пока холод не пронизал мозг, введя его в оцепенение, разрушая его

железный контроль.

Наконец, он полез в карман и достал перочинный нож. С большим трудом он открыл нож — тело было словно парализовано и плохо слушалось. Он долго пилил ножом веревку, пока остатки волокон не порвались, и упал с высоты нескольких футов на лестничные ступеньки. Еще не поднявшись, он почувствовал, что сломана шея. Он ощущал края переломанных позвонков. Голова застыла под острым углом к туловищу, и он видел все вверх тормашками.

Пил потащился по лестнице, смутно сознавая, что все слишком ужасно, чтобы можно было понять до конца. Он не пытался хладнокровно оценить происходящее. Не было ни дополнительных фактов, ни логики. Он поднялся по лестнице и бросился через спальню Сидры к ванной, где иногда они мылись вдвоем. Он долго шарил в медицинском шкафчике, пока не достал бритву: шесть дюймов острейший закаленной стали. Дрожащей рукой он чиркнул лезвием себе по горлу…

Мгновенно он захлебнулся фонтаном крови, перехватило дыхание. Он сложился пополам от боли, рефлекторно кашляя, дыхание со свистом вырывалось из разреза в гортани. Пил скорчился

на кафельном полу, кровь била фонтаном при каждом ударе сердца и залила его всего. Однако, он лежал, трижды убитый, и не терял сознания. Жизнь вцепилась в него с той же неослабевающей силой, с какой он прежде цеплялся за жизнь.

Наконец, он с трудом поднялся, не осмеливаясь взглянуть на себя в зеркало. Кровь, что еще оставалась в нем, начала свертываться. И в то же время, он мог дышать. Тяжело дыша, весь покалеченный, Пил проковылял в спальню, пошарил в тумбочке Сидры и достал револьвер. Со всей оставшейся силой он прижал его дуло к груди и трижды выстрелил в сердце. Пули отшвырнули его к стене с ужасными дырами в груди, сердце перестало биться, но он все еще жил.

Это тело, обрывочно подумал он, жизнь цепляется за тело. До тех пор, пока тело — простая раковина — будет достаточным, чтобы содержать искру… До тех пор жизнь не уйдет. Она владеет мной, эта жизнь. Но есть ответ… Я еще в достаточной степени инженер, чтобы найти решение…

Полное разрушение. Разбить тело на части… на куски — тысячи, миллионы кусочков, — и оно перестанет быть чашей, содержащей его такую упорную жизнь. Взрыв. Да! В доме никого нет. В доме ничего нет, кроме инженерной смекалки.

Да! Тогда как, с помощью чего? Он совершенно обезумел и пришедшая ему идея тоже была безумной.

Он проковылял в свой кабинет и достал из ящика стола колоду моющихся игральных карт. Он долго резал их ножницами на крохотные кусочки, пока не нарезал полную чашку. Потом снял с камина подставку для дров и с трудом разломал ее. Ее прутья были полыми. Он набил медный прут кусочками карт, утрамбовал их. Когда прут был забит, положил в верхний конец три спички и плотно закупорил его.

На столе была спиртовка, которую он использовал для варки кофе. Пил зажег ее и поместил прут в пламя. Затем пододвинул стул и сгорбился перед нагревающейся бомбой. Нитроцеллюлоза — мощное взрывчатое вещество, когда загорается под давлением. Это лишь вопрос времени, подумал он, когда медь в свирепом взрыве разнесет его по комнате, разорвет на куски в благословенной смерти. Пил скулил от муки нетерпения. из разрезанного горла снова потекла кровавая пена. Кровь на одежде заскорузла.

Слишком медленно нагревается бомба.

Слишком медленно тянутся минуты.

Слишком быстро усиливается нетерпение.

Пил дрожал и скулил, а когда протянул руку, чтобы сунуть бомбу подальше в огонь, его пальцы не почувствовали тепла. Он видел обожженное красное мясо, но ничего не чувствовал. Вся боль сосредоточилась внутри — и ничего не осталось снаружи.

От боли шумело в ушах, но даже сквозь шум он услышал на лестнице шаги. Они звучали все громче и ближе. Пил скорчился и с помутневшим сознанием стал молиться, чтобы это шагала Смерть, явившаяся за ним. Шаги раздались на площадке и двинулись к кабинету. Послышался слабый скрип, когда открылась дверь. Пила бросало то в жар, то в холод в лихорадке безумия. Он отказывался повернуться.

— Ну, Боб, что все это значит? — послышался раздраженный голос.

Он не мог ни обернуться, ни ответить.

— Боб! — хрипло воскликнул голос. — Не делай глупостей!

Он смутно подумал, что когда-то уже слышал этот голос. Снова раздались шаги и рядом с ним возникла фигура. Он поднял бескровные глаза. Это была леди Саттон, все еще одетая в вечернее платье с блестками.

— Боже мой! — Ее маленькие глазки замигали

в мясистых амбразурах. Ты что, собираешься превратить себя в месиво?

— Гу… вау-у… — Искаженные слова со свистом вырывались вместе с дыханием из разрезанного горла. — Х-хочу… пов… в… с-ся…

— Появиться? — рассмеялась леди Саттон. — Неплохая идея.

— У-у-уме-реть… — просвистел Пил.

— Что ты собираешься делать? — настойчиво спросила леди Саттон. — А, понятно, Боб. Хочешь разнести себя на кусочки, да?

Его губы беззвучно шевелились.

— Послушай, — сказала леди Саттон, — брось эти глупости. — Она потянулась вытащить бомбу из огня. Пил попытался оттолкнуть ее руки. Она была сильная для привидения, но он все же оттолкнул ее.

— Да-ай… м-мне-е… — прошипел он.

— Прекрати, Боб! — приказала леди Саттон. — Я никогда не желала тебе столько мучений.

Он ударил ее, когда она снова попыталась подойти к бомбе. Но она была слишком сильной для него. Тогда он схватил спиртовку обеими руками, чтобы ускорить свое спасение.

— Боб! — закричала леди Саттон. — Ты проклятый дурак!..

Раздался взрыв. Он ударил в лицо Пилу ослепительным светом и оглушительным ревом. Весь кабинет затрясся, часть стены рухнула. С полок дождем посыпались тяжелые тома. Пыль и дым плотным облаком наполнили помещение.

Когда облако осело, леди Саттон по-прежнему стояла возле того места, где только что находился стол. Впервые за много лет — возможно, за много вечностей — на ее лице появилась печаль. Она долго стояла в молчании, наконец, пожала плечами и заговорила тем же спокойным голосом, каким разговаривало Существо с пятерыми в убежище.

— Неужели ты не понял, Боб, что не можешь убить себя? Смерть приходит только раз, а ты и так уже мертв. Ты был мертв все эти дни. Как ты мог не понять этого? Возможно, тут виновата личность, о которой твердил Брафф… Возможно… Все вы были мертвы, когда пришли в убежище вечером в четверг. Ты должен был понять это, когда увидел свой разбомбленный дом. Это случилось днем в четверг во время большого налета.

Она подняла руки и начала срывать с себя платье. В мертвой тишине хрустели и позвякивали блестки. Они мерцали, когда платье спадало с тела, открывая… ничего. Пустоту.

— Я наслаждалась этими маленькими убийствами, — сказала она. Забавно было наблюдать, как мертвец пытается убить себя. Вот почему я не остановила тебя сразу.

Она сбросила туфли и чулки. Теперь не было ничего, кроме рук, плеч и тяжелой головы леди Саттон. Ее лицо все еще было немного печальным.

— Но ваша нелепая попытка убить меня показала, кто я такая. Конечно, никто из вас этого не знал. Пьеска была тем более восхитительной, Боб, потому что я и есть Астарот.

Внезапно голова и руки подпрыгнули в воздухе и упали рядом со сброшенным платьем. Голос продолжал звучать из дымного пространства, бестелесный, но затем пыль заклубилась смерчиком, обрисовывая фигуру, просто контуры, однако, и они были ужасны.

— Да, — продолжал спокойный голос, — я Астарот, старый, как мир, старый, как сама вечность. Вот почему я сыграл с вами эту маленькую шутку. Мне захотелось немного поразвлечься. Ваши крики и слезы послужили новизной и развлечением после вечного оборудования адов для проклятых, потому что нет худшего ада, чем ад скуки.

Голос замолчал, и тысячи кусочков Роберта

Пила услышали и поняли его. Тысячи кусочков, и каждый продолжал мучиться искрой жизни, и каждый слышал голос Астарота и все понимал.

— О жизни я не знаю ничего, — тихо сказал Астарот. — Зато все знаю о смерти — о смерти и правосудии. Я знаю, что каждое живое существо создает свой собственный вечный ад. Ты сам сделал то, чем стал теперь. Послушайте все вы, прежде чем я уйду. Если кто-нибудь сможет отрицать это, если кто-нибудь сможет оспорить это, если кто-нибудь сможет найти недостатки в правосудии Астарота — говорите!

Через все расстояния прошло эхо голоса, и ответа не последовало.

Тысячи мучившихся кусочков Роберта Пила слышали и не ответили.

Феона Дубидат услышала и не ответила из диких объятий бога-любовника.

Вопрошающий, сомневающийся Кристиан Брафф услышал в аду и не ответил.

Не ответила ни Сидра Пил, ни зеркальное отражение ее страсти.

Все проклятые за всю вечность в бесчисленных, созданных ими самими адах услышали, поняли и не ответили.

На правосудие Астарота не существует ответа.